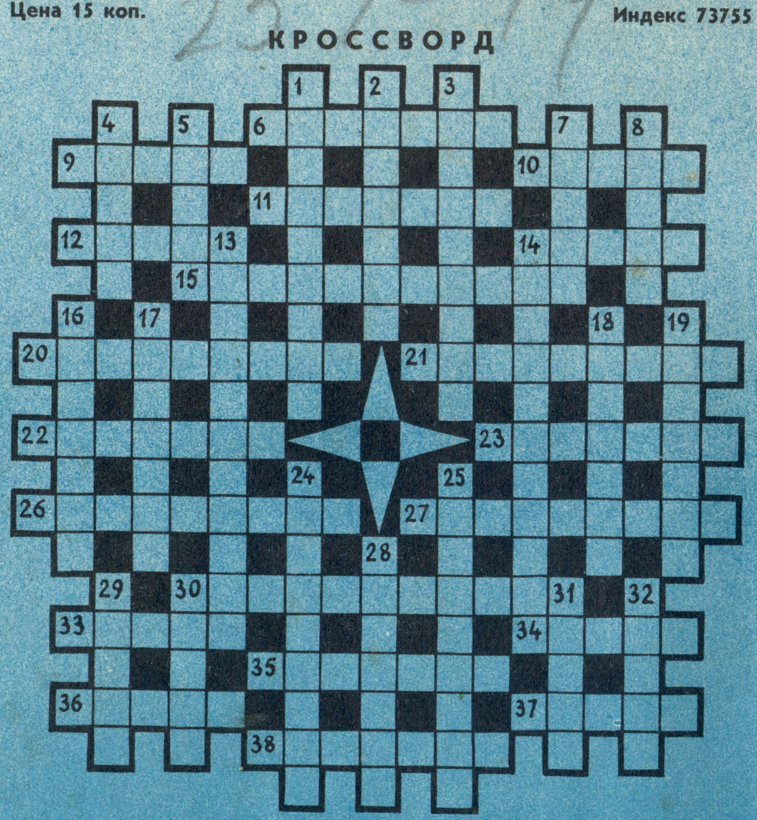
Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Персонаж романа М. Шолохова «Тихий Дон». 9. Болотная птица. 10. Электрод источника электрического тока. 11. Русский писатель, автор романа «Мелкий бес». 12. Мелководный каменистый участок в русле реки. 14. Мнение, выраженное голосованием. 15. Телеграфный ключ. 20. Спортивная командная игра. 21. Воинское звание. 22. Участок пути между двумя железнодорожными станциями. 23. Лесная ягода. 26. Группа, разряд, степень. 27. Город в Литве. 30. Метод заготовки сочных кормов. 33. Длинное назидательное рассуждение, наставление. 34. Стихотворение К. Рылеева. 35. Устройство визуального отображения информации на экране электронно-лучевого прибора. 36. Драгоценный камень. 37. Наружная оболочка машины, прибора. 38. Совокупность средств труда, знаний и деятельности, служащих для создания материальных ценностей.

По вертикали: 1. Советский композитор, автор оперы «Слава». 2. Внешнее приличие, благопристойность. 3. Составная часть передатчика в каналах электросвязи. 4. Единица количества электричества. 5. Двучлен в математике. 7. Шест с металлическим острием и крюком на конце. 8. Степень жизнедеятельности организма. 13. Тонкий вкус к еде. 14. Роман Л. Толстого. 16. Механизмы и приспособления для передвижения и подъема тяжеловесного оборудования. 17. Землеройно-транспортная машина. 18. Музыкальный ансамбль. 19. Вид печенья. 24. Сатирический журнал, издававшийся Н. И. Новиковым. 25. Певчая птица. 28. Город в Ленинградской области. 29. Пластинчатый съедобный гриб. 30. Ряд изделий, изготовленных по одному стандарту. 31. Русский писатель, автор «Конька-Горбунка». 32. Деталь кривошипного механизма.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42

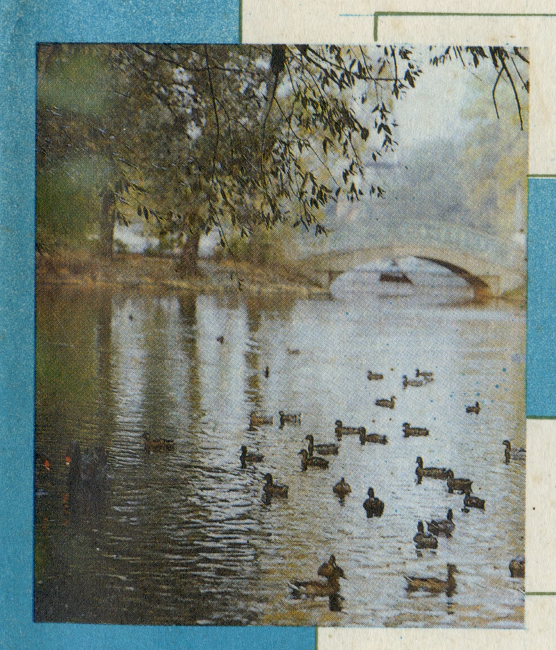
ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

7·89
Общественно-политический ежемесячник

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ГЛАЗАМИ ЕГО УЧАСТНИКОВ

Какой закон об изобретательстве нам нужен?

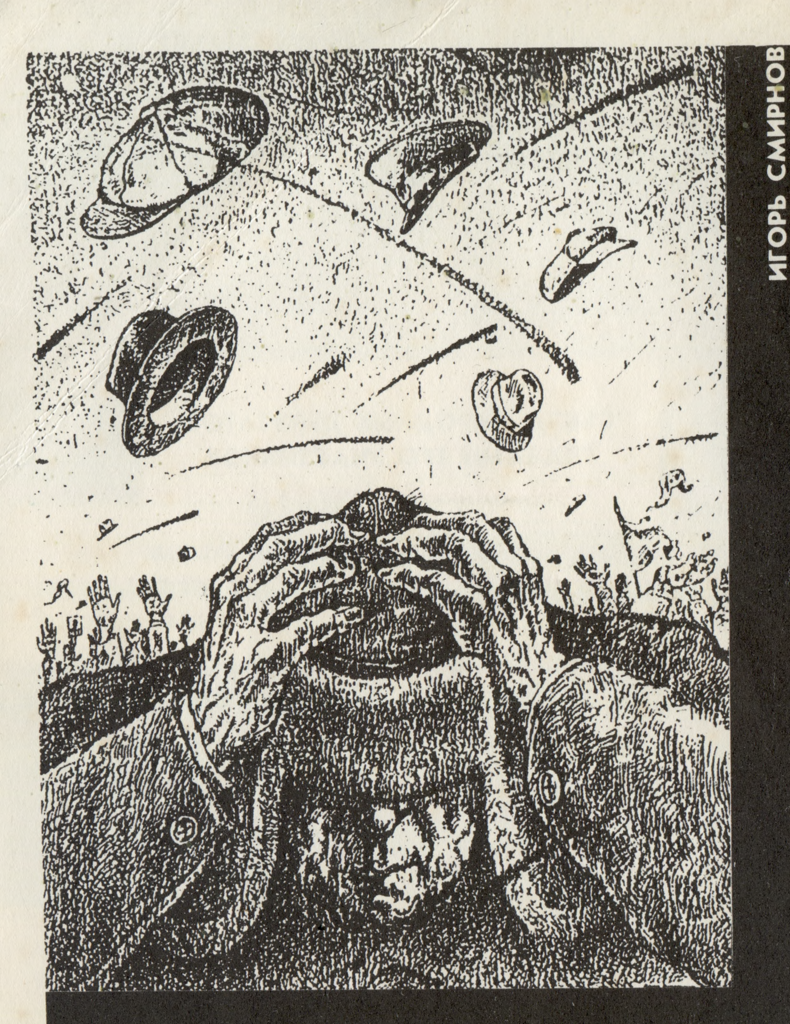

Вернисаж московских карикатуристов

Валерий Кравченко
ВОССТАНИЕ

Открытые письма АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО

Стихи
Бориса ЧИЧИБАБИНА

ИГОРЬ СМИРНОВ

В выставочном зале на Малой Грузинской недавно состоялся показ работ известных московских карикатуристов. Некоторые из этих работ публикуются на вкладках номера.

7 (464) •89 | ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Рукописи объемом до одного авторского листа не возвращаются и не рецензируются.

Сдано в набор 25.05.89. Подписано к печати 21.07.89. Л21639. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд. л. 5,18. Тираж 100 000 экз. Заказ 4810. Цена 15 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г 0302030800—106 / М172(03)—89 Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МИХАИЛА ГОРБАЧЕВА

Интервью журналиста Михаила Комиссара с помощником Генерального секретаря ЦК КПСС, членом-корреспондентом АН СССР Георгием Шахназаровым

— Михаил Горбачев был избран Председателем Верховного Совета на Съезде практически единогласно. Как вы полагаете, какие личные качества сделали его кандидатуру настолько бесспорной?

— Я думаю, все понимают, что он явился инициатором или, как на Западе принято говорить, архитектором перестройки. Плюс к этому, конечно, его личные качества. К ним в первую очередь нужно отнести умение видеть многообразие интересов и учитывать их. Ему свойственна готовность прислушиваться к разным мнениям и интегрировать их воедино. Все, кто наблюдал за ходом Съезда народных депутатов СССР, могли видеть на практике этот процесс сотворчества. За ним стоит определенный тип политической культуры.

— Вы являетесь помощником Генерального секретаря. Интересно, как вы познакомились с Горбачевым, как вам было сделано предложение?

— Знаете, я работал в международном отделе ЦК КПСС, поэтому приходилось иногда встречаться с Михаилом Сергеевичем. Он тогда еще был секретарем ЦК, а не Генеральным секретарем. Так вот, несколько раз ему поручалось Центральным Комитетом работать с делегациями социалистических стран, ну а я ему помогал как специалист по этим проблемам.

Скажу также, что был приятно удивлен, когда он, еще будучи секретарем по сельскому хозяйству, во время одной из встреч сказал, что читал мои книги. В частности, помню, он упомянул «Грядущий миропорядок» и позитивно отозвался о ней.

— В чем заключается работа помощника Генерального секретаря?

— Я большей частью занимаюсь международными вопросами, в основном проблематикой социалистических стран. Надо, во-первых, обрабатывать получаемую информацию и обращать внимание на какие-то вещи, потому что у Генерального секретаря при его объеме занятий, конечно, не всегда хватает времени все просмотреть. Затем готовлю для него предложения, рекомендации по развитию наших отношений с теми или иными странами и в целом по обстановке в мире. Естественно, выполняю его поручения. К примеру, по подготовке каких-то материалов, углубленной разработке того или иного вопроса. Иногда мы это сами делаем, иногда привлекаем специалистов со стороны, стараясь как можно более убедительно обосновать ту или иную позицию.

Его отличительная черта — опираться на мнение широкого круга людей. Поэтому, обсуждая каждый более или менее крупный вопрос, мы часто выходим на институты, ведущих ученых, стремимся разработать оптимальное решение.

— И как Генеральный секретарь относится к рекомендациям помощников, сразу с ними соглашается, как-то перерабатывает, делает по-своему?

— Почти всегда во все вопросы вносит свой элемент, потому что он — человек с активным самостоятельным мышлением, и то, что мы ему даем, это для него только подсобный материал.

Но надо сказать, что он с большим уважением относится к работе коллектива — и помощников, и всех тех, кто привлекается. Другое дело, что наши взгляды не всегда полностью совпадают. Но это естественно. Иногда он с нами не соглашается, и мы ему что-то пытаемся доказывать. Споры действительно возникают, но надо сказать, что это человек демократичный; ничего, подобного иерархической прямолинейной дисциплине, в наших отношениях не существует. Идет настоящий творческий процесс, в результате которого он принимает решение, а затем выносит его на рассмотрение руководящих органов. Разумеется, бывает и так, что наши мнения расходятся.

— Все отмечают умение Михаила Горбачева находить контакт с самой различной аудиторией, телевидением, прессой. А каков он в общении с аппаратом?

— Могу только добавить: то, что я рассказал, относится не только к помощникам, а ко всем, кто его окружает. Он никогда не позволяет себе кого-то обидеть грубым словом либо как-то еще.

— Ну хорошо, а когда он чем-нибудь недоволен?

— Он находит такую форму выразить это недовольство, чтобы не было оскорбительно. В тех случаях, когда это необходимо, бывает тверд и решителен. И когда недоволен чем-то — говорит об этом прямо, но не обидно.

— Вы не раз участвовали в международных переговорах, которые проводил Генеральный секретарь. Какова наиболее типичная для него манера вести переговоры? Что здесь превалирует — желание отстаивать свою точку зрения, поиск компромисса, напор? Что характерно для него?

— Я бы сказал, что есть все три названных вами качества. Он человек чрезвычайно убежденный и горячо отстаивает свою точку зрения, спорит, но в то же время постоянно прислушивается к собеседнику. И если тот сказал что-то дельное, заслуживающее внимания, то обязательно это воспримет.

— Были примеры, когда бы он менял свою точку зрения с учетом возражений?

— Конечно, конечно, и так бывает. Даже если у него было какое-то свое мнение, но собеседник ему доказал, что это не так, он, как правило, говорит: да, пожалуй, вы правы. Действительно, мы не учли того-то и того-то. Это — ценное качество. По-моему, нет ничего хуже для политика, чем упрямство, нежелание признавать ошибочность своего подхода.

— Не считаете ли вы, что столь большая популярность Горбачева может привести у нас еще к одному культу личности? Наша история знает, к сожалению, не один такой пример. Такие опасения, кстати, звучали и на Съезде.

— Звучали, и на них был дан четкий ответ. Он сам сказал об этом, помните? Горбачев подчеркнул, закрывая Съезд, что ничего подобного не было и не может с ним быть. Конечно, могут сказать: его собственное заявление не гарантия. Но я хочу обратить внимание, что как раз ради того, чтобы не было новых культов, проводится реформа политической системы, поднимается роль Советов. Вспомните, в 1985 году,

когда Михаил Горбачев пришел на пост Генерального секретаря, это обеспечивало возможность командовать всем, и никому не приходило в голову оспаривать эту возможность. Он вполне мог осуществлять любые политические шаги, просто отдавая приказы. В противовес этому он сам создает систему, в которой ставит себя под контроль.

— Невольно возникает вопрос: как же он добровольно отдает власть! Не боится он ее потерять!

— Я думаю, для него на первом месте стоит вопрос реформы. Он реформатор, ему хочется сделать так, чтобы наша система стала демократичной, чтобы страна поднялась, встала на ноги. Поэтому у него, на мой взгляд, нет желания любой ценой сохранить власть. Он как раз и хочет создать такую систему, в которой у следующего руководителя не было бы возможности выйти из-под контроля народа.

Московским радио Гостелерадио СССР и совместным предприятием «Интерквадро» образовано первое в стране информационно-телефаксное агентство — «Интерфакс». Его задача — информировать зарубежные политические и деловые круги, журналистов о процессах, происходящих в Советском Союзе.

Напечатанное здесь интервью взято «Горизонтом» из первого номера бюллетеня «Интерфакс».

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР ГЛАЗАМИ ЕГО УЧАСТНИКОВ

Не одна неделя прошла со дня окончания первого Съезда народных депутатов СССР, а обсуждение его не затихает. Хотя Съезд почти полностью транслировался телевидением и все мы стали свидетелями происходивших на нем дискуссий, нас не оставляет желание вернуться к тем или иным его моментам, поразмышлять над ними, уточнить позиции депутатов, многие положения, высказанные ими с трибуны, выслушать их мнение о работе Съезда и его итогах.

В почте «Горизонта» немало писем с просьбой предоставить слово депутатам-москвичам, выступления которых на Съезде получили широкий резонанс, для более подробного изложения своей точки зрения.

«Желательно,— пишет нам, например, читательница из Мытищ, Л. Д. Дудина,— чтобы были представлены различные взгляды, ведь при всей своей несхожести, а подчас и противоположности, они — зеркало нашего общества, уровень его сегодняшней культуры и здоровья, и надо знать, как и о чем думают те, кому мы доверили судьбу страны».

**Академик
А. Д. Сахаров**

Выступление на Съезде народных депутатов СССР 9 июня 1989 года *

Уважаемые народные депутаты!

Я должен объяснить, почему я голосовал против утверждения итогового документа Съезда. В этом документе содержится много правильных и очень важных положений, много принципиально новых прогрессивных идей. Но я считаю, что Съезд не решил стоящей перед ним ключевой политической задачи, воплощенной в лозунге: «Вся власть Советам!» Съезд отказался даже от обсуждения «Декрета о власти».

До того, как будет решена эта политическая задача, фактически невозможно реальное решение всего комплекса неотложных экономических, социальных, национальных и экологических проблем.

Съезд народных депутатов СССР избрал Председателя Верховного Совета СССР в первый же день без широкой политической дискуссии и хотя бы символической альтернативности. По моему мнению, Съезд совершил серьезную ошибку, уменьшив в значительной степени свои возможности влиять на формирование политики страны, оказав тем самым плохую услугу и избранному Председателю.

По действующей Конституции Председатель Верховного Совета СССР обладает абсолютной, практически ничем не ограниченной личной властью. Сосредоточение такой власти в руках одного человека крайне опасно, даже если этот человек — инициатор перестройки. В частности, возможно закулисное давление. А если когда-нибудь это будет кто-то другой?

Постройка государственного дома началась с крыши, что явно не лучший способ действий. То же самое повторилось при выборах Верховного Совета. По большинству делегаций происходило просто назначение, а затем формальное утверждение Съездом людей, из которых многие не готовы к законодательной деятельности. Члены Верховного Совета должны оставить свою прежнюю работу, «как правило» — нарочито расплывчатая формулировка, при которой в Верховном Совете оказываются «свадебные генералы». Такой Верховный Совет будет — как можно опасаться — просто ширмой для реальной власти Председателя Верховного Совета и партийно-государственного аппарата.

В стране, в условиях надвигающейся экономической катастрофы и трагического обострения межнациональных отношений, происходят мощные и опасные процессы, одним из проявлений которых является всеобщий кризис доверия народа к руководству страны. Если мы будем плыть по течению, убаюкивая себя надеждой постепенных перемен к лучшему в далеком будущем, нарастающее напряжение может взорвать наше общество с самыми трагическими последствиями.

Товарищи депутаты, на вас сейчас — именно сейчас! — ложится огромная историческая ответственность. Необходимы политические ре-

* Текст передан редакции «Горизонта» автором.

шения, без которых невозможно укрепление власти советских органов на местах и решение экономических, социальных, экологических, национальных проблем. Если Съезд народных депутатов СССР не может взять власть в свои руки здесь, то нет ни малейшей надежды, что ее смогут взять Советы в республиках, областях, районах, селах. Но без сильных Советов на местах невозможна земельная реформа и вообще какая-либо эффективная аграрная политика, отличающаяся от бессмысленных реанимационных вливаний нерентабельным колхозам. Без сильного Съезда и сильных, независимых Советов невозможны преодоление диктата ведомств, выработка и осуществление законов о предприятии, борьба с экологическим безумием. Съезд призван защитить демократические принципы народовластия и тем самым — необратимость перестройки и гармоническое развитие страны. Я вновь обращаюсь к Съезду с призывом принять «Декрет о власти».

ДЕКРЕТ О ВЛАСТИ

Исходя из принципов народовластия, Съезд народных депутатов заявляет:

1. Статья 6 Конституции СССР отменяется.
2. Принятие законов СССР является исключительным правом Съезда народных депутатов СССР. На территории союзной республики законы СССР приобретают юридическую силу после утверждения высшим законодательным органом союзной республики.
3. Верховный Совет является рабочим органом съезда.
4. Комиссии и комитеты для подготовки законов о государственном бюджете, других законов и для постоянного контроля за деятельностью государственных органов, над экономическим, социальным и экологическим положением в стране — создаются Съездом и Верховным Советом на паритетных началах и подотчетны Съезду.
5. Избрание и отзыв высших должностных лиц СССР, а именно:
   1) Председателя Верховного Совета СССР;
   2) заместителя Председателя Верховного Совета СССР;
   3) Председателя Совета Министров СССР;
   4) председателя и членов Комитета конституционного надзора;
   5) Председателя Верховного суда СССР;
   6) генерального прокурора СССР;
   7) верховного арбитра СССР;
   8) председателя Центрального банка;

а также:

   1) председателя КГБ СССР;
   2) председателя Государственного комитета по телевидению и радиовещанию;
   3) главного редактора газеты «Известия»

— исключительное право Съезда.

Поименованные выше должностные лица подотчетны Съезду и независимы от решений КПСС.

6. Кандидатуры на пост заместителя Председателя Верховного Совета и Председателя Совета Министров СССР предлагаются Председателем Верховного Совета СССР и, альтернативно, народными депутатами. Право предложения кандидатур на остальные поименованные посты принадлежит народным депутатам.
7. Функции КГБ ограничиваются задачами защиты международной безопасности СССР.

Примечание. В будущем необходимо предусмотреть прямые общенародные выборы Председателя Верховного Совета СССР и его заместителя на альтернативной основе.

Я прошу депутатов внимательно изучить текст Декрета и поставить его на голосование на чрезвычайном заседании Съезда. Я прошу создать редакционную комиссию из лиц, разделяющих основную идею Декрета. Я обращаюсь к гражданам СССР с просьбой поддержать Декрет в индивидуальном и коллективном порядке, подобно тому как они это сделали при попытке скомпрометировать меня и отвлечь внимание от вопроса об ответственности за афганскую войну.

Я хотел бы возразить тем, кто пугает невозможностью обсуждать законы двумя тысячами человек. Комиссии и комитеты подготовят формулировки, на заседаниях Верховного Совета обсудят их в первом и втором чтении, и все стенограммы будут доступны Съезду. В случае необходимости дискуссия продолжится на Съезде. Но что действительно неприемлемо — если мы, депутаты, имея мандат от народа на власть, передадим наши права и ответственность своей одной пятой, а фактически — партийно-государственному аппарату и Председателю Верховного Совета.

Продолжаю. Уже давно нет опасности военного нападения на СССР. У нас самая большая армия в мире, больше чем у США и Китая, вместе взятых. Я предлагаю создать комиссию для подготовки решения о сокращении срока службы в армии (ориентировочно в два раза для рядового и сержантского состава, с соответствующим сокращением всех видов вооружения, но со значительно меньшим сокращением офицерского корпуса), с перспективой перехода к профессиональной армии. Такое решение имело бы огромное международное значение для укрепления доверия и разоружения, включая полное запрещение ядерного оружия, а также огромное экономическое и социальное значение. Частное замечание: надо демобилизовать к началу этого учебного года всех студентов, взятых в армию год назад.

Национальные проблемы. Мы получили в наследство от сталинизма национально-конституционную структуру, несущую на себе печать имперского мышления и имперской политики «разделяй и властвуй». Жертвой этого наследия являются малые союзные республики и малые национальные образования, входящие в состав союзных республик по принципу административного подчинения. Они на протяжении десятилетий подвергались национальному угнетению. Сейчас эти проблемы драматически выплеснулись на поверхность. Но не в меньшей степени жертвой явились большие народы, в том числе русский народ, на плечи которых лег основной груз имперских амбиций и последствий авантюризма и догматизма во внешней и внутренней политике. В нынешней острой межнациональной ситуации необходимы срочные меры. Я предлагаю переход к федеративной (горизонтальной) системе национально-конституционного устройства. Эта система предусматривает предоставление всем существующим национально-территориальным образованиям, вне зависимости от их размера и нынешнего статуса, равных политических, юридических и экономических прав, с сохранением теперешних границ (со временем возможны и, вероятно, будут необходимы уточнения границ образований и состава федерации, что и должно стать важнейшим содержанием работы Совета Национальностей). Это будет союз равноправных республик, объединенных союзным договором, с добровольным ограничением суверенитета каждой республики в минимально необходимых пределах (в вопросах обороны,

внешней политики и некоторых других). Различие в размерах и численности населения республик и отсутствие внешних границ не должны смущать. Проживающие в пределах одной республики люди разных национальностей должны юридически и практически иметь равные политические, культурные и социальные права. Надзор за этим должен быть возложен на Совет Национальностей. Важной проблемой национальной политики является судьба насильственно переселенных народов. Крымские татары, немцы Поволжья, турки-месхи, ингуши и другие должны получить возможность вернуться к родным местам. Работа комиссии Президиума Верховного Совета по проблеме крымских татар была явно неудовлетворительной.

К национальным проблемам примыкают религиозные. Недопустимы любые ущемления свободы совести. Совершенно недопустимо, что до сих пор не получила официального статута Украинская католическая церковь.

Важнейшим политическим вопросом является утверждение роли советских органов и их независимости. Необходимо осуществить выборы советских органов всех уровней истинно демократическим путем. В избирательный закон должны быть внесены уточнения, учитывающие опыт выборов народных депутатов СССР. Институт окружных собраний должен быть уничтожен, и всем кандидатам должны быть предоставлены равные возможности доступа к средствам массовой информации.

Съезд должен, по моему мнению, принять постановление, содержащее принципы правового государства. К этим принципам относятся: свобода слова и информации, возможность судебного оспаривания гражданами и общественными организациями действий и решений всех органов власти и должностных лиц в ходе независимого разбирательства; демократизация судебной и следственной процедур (допуск адвоката с начала следствия, суд присяжных; следствие должно быть выведено из ведения прокуратуры: ее единственная задача — следить за исполнением закона). Я призываю пересмотреть законы о митингах и демонстрациях, о применении внутренних войск и не утверждать указ от 8 апреля.

Съезд не может сразу накормить страну. Не может сразу разрешить национальные проблемы. Не может сразу ликвидировать бюджетный дефицит. Не может сразу вернуть нам чистый воздух, воду и леса. Но создание политических гарантий решения этих проблем — это то, что он обязан сделать. Именно этого от нас ждет страна! Вся власть Советам! <...>

«МЫ ДЕСЯТИЛЕТИЯМИ ЖДАЛИ ТАКОГО РАЗГОВОРА...»

Из выступлений народных депутатов СССР А. М. Емельянова, Г. Н. Филонова, А. П. Владиславлева на встрече с партийно-хозяйственным активом Ленинского района Москвы 13 июня 1989 года

Алексей Михайлович ЕМЕЛЬЯНОВ,

депутат Верховного Совета СССР, академик ВАСХНИЛ, заведующий кафедрой экономики сельского хозяйства МГУ

Я не претендую на то, чтобы давать обобщающую оценку Съезду, хочу подчеркнуть одно — при всех противоречиях и при всех издержках в его работе я считаю, что съезд явился важным этапом на пути становления демократической системы в нашей стране, на пути становления подлинного народовластия.

Давайте обратимся к недавнему прошлому. При всем значении XXVII съезда партии, XIX партконференции, ряда других форумов нужно прямо сказать, что прошедший Съезд Советов был на порядок выше их по степени демократизации.

Вот такой штрих. Когда в Москве заседал съезд колхозников, в начале его работы избирали президиум. Голосовали. Потом председатель пригласил избранных занять свои места. Но руководители партии заняли места в президиуме уже в первые секунды заседания. Мы так привыкли к формализму, что не задумывались даже о том, кто же является хозяином на съезде — колхозники или партийные руководители? Как вы помните, на нашем съезде все было по-иному.

Еще один момент. Когда на съезде прозвучала хотя и доброжелательная, но все же критика в адрес нашего руководства, включая и лидера страны, стало ясно, что произошел серьезный перелом. Еще раз подчеркиваю, что при всех противоречиях это был поворотный пункт в демократизации. Думаю, что следующий съезд будет проходить на еще более демократической основе.

Но я разделяю мнение не только депутатов, но и общественности, что аппарат оказывал большое влияние на ход съезда, на его результаты. Действительно, с самого начала мы поставили телегу впереди лошади. Нельзя было проводить выборы, не заслушав ни отчета, ни программы. Ведь какой бы формальной ни была наша демократия в прошлом, ни на одном партийном съезде ни ЦК, ни генсек не избирались до отчета и его обсуждения. Я понимаю, почему так произошло на съезде народных депутатов. Наверное, и вы понимаете. Этот вопрос поднимался еще 3 мая, на встрече руководства с московской группой, где, несмотря на серьезные возражения, такой порядок проведения съезда был фактически предрешен. Это касается и проведения выборов в Верховный Совет без обсуждения вопроса о том, что же такое Верховный Совет, чем будет отличаться депутат Верховного Совета от просто народного депутата и т. д. Поэтому с первого дня мы

спотыкались, съезд шел несколько сумбурно, а порой производил даже удручающее впечатление, хотя здоровые предложения звучали, и немало.

Или посмотрим на состав Верховного Совета. Конечно, он не соответствует всем нашим ожиданиям, но давайте оценивать ситуацию трезво. Сам съезд отражает уровень демократизации нашего общества, все противоречия этой демократизации, соотношение социальных сил. Ведь не все же «крутились» так, как в Москве. И выборы во многих местах проходили не так, как в Москве. Давайте с этим считаться. Еще до начала работы съезда я предсказывал, каким будет соотношение сил на нем. И, нужно сказать, ошибся незначительно. 250—300 радикалов (в хорошем смысле этого слова), 300—400 центристов — так примерно и шло голосование по кардинальным вопросам. 600—700 голосов против остального, по резкому выражению Юрия Афанасьева, агрессивно-послушного большинства. Может быть, не надо было называть его «сталинско-брежневским» — это прозвучало оскорбительно, но еще раз подчеркиваю, выборы на местах проходили не так, как в Москве, нередко путем почти назначений, без альтернативных кандидатур. Часто задают вопрос о техническом обеспечении съезда. Я считаю, что вопрос это не технический, а политический. Я этот вопрос поставил перед А. И. Лукьяновым еще на первой встрече московской группы 21 апреля, говорил и о прямой трансляции, и об электронной системе для голосования. Как мы голосовали на съезде, сколько времени пропадало даром, вы видели. Сделано это было сознательно. Ведь предлагали свои услуги кооператоры, специалисты МГУ. На это не пошли. Подчеркиваю, вполне сознательно. Понятно, что на голосование оказывали влияние руководители республик и областей, сидевшие вместе со своими делегатами.

Для съезда была очень характерна спешка при обсуждении вопросов. И это делалось сознательно. Скажем, пункт повестки «Разное». По ходу работы съезда складывалось впечатление, что это будет самая интересная его часть. Сколько вопросов переносилось туда! А отвели на эту часть всего несколько часов. Опять начался сумбур. Кто-то даже предложил отключить прямую трансляцию, Михаил Сергеевич это поддержал, проголосовали, и трансляция была прекращена. Но когда перешли к обсуждению статьи 11 «прим.», трансляцию продолжили.

В такой же спешке начала после съезда работу и сессия Верховного Совета: заседание Совета Союза, затем Совета Национальностей, затем совместное заседание. Огромное количество обсуждаемых кандидатур, множество вопросов. Для нормальной работы нужно было дня три. Мы уложились в один. Это не способствовало укреплению демократизации.

Мы нередко отходили от обсуждения главных вопросов, а главное для нас сегодня — народовластие, формирование политической системы. Попытки многих делегатов вынести на обсуждение съезда все накопившиеся в стране проблемы были совершенно неоправданны. Об этом можно говорить на любом экономическом или каком-либо другом совещании. От всего этого съезд много потерял. Но и это, вполне возможно, не случайность.

Меня часто спрашивают, как соотносится давление аппарата на съезде и позиция М. С. Горбачева. Я думаю, связь здесь есть. Но я должен обратить ваше внимание вот на что. Сегодня нужно очень бережно относиться к нашему руководству, инициаторам перестройки. Безусловно, можно и нужно критиковать руководителей, не боясь «бросить тень». Дело-то в том, что не мы бросаем эту тень, а часто сами руководители своей работой. Но сложная ситуация в стране, когда народ не чувствует улучшения условий жизни, когда консерваторы консолидируются и критика руководства идет как слева, так и справа, просто обязывает нас к такому бережному отношению.

В какой-то степени съезд был продолжением предвыборной кампании и выборов, хотя в целом, по уровню демократизации, съезд был ниже выборов, Верховный Совет еще менее демократичен. Это отражение сложных общественных процессов периода передачи власти Советам, когда правящая верхушка стремится сохранить свое монопольно властвующее положение. Нельзя забывать, что в любой революции коренное изменение власти связано с такими проблемами и противоречиями. Наша перестройка как процесс революционного обновления общества является наглядным тому подтверждением.

Я полностью поддерживаю предложение, высказанное внеочередной конференцией партийной организации МГУ, о созыве XXVIII съезда КПСС в 1990 году.

В чем его необходимость? Нынешняя ситуация и сегодняшние проблемы не укладываются в формулировки и установки XXVII съезда и даже XIX партийной конференции. Съезд позволит обновить состав ЦК (меры апрельского Пленума не решили этой проблемы). Нынешний состав ЦК, как показал ряд решений последних месяцев, неспособен на радикальные изменения в духе демократического обновления. Кроме того, других неотложных проблем, требующих обсуждения на высшем партийном форуме, много. Затягивание с их решением будет еще более усиливать отставание демократизации партии от демократизации общественной жизни. А это объективно сдерживает переход к народовластию, затрудняет деятельность депутатского корпуса.

Георгий Николаевич ФИЛОНОВ,
академик-секретарь Академии педагогических наук СССР

Перестроечные процессы, которые захватили все сферы общественной жизни, создали условия для того, чтобы такой Съезд народных депутатов состоялся.

В ходе избирательной борьбы стали депутатами люди нового мышления, причем, как правило, это молодые люди. Последние проявили себя на Съезде наиболее активно. Это образованные люди: юристы, экономисты, представители других профессий. Они активно стремились к трибуне, но порой проявляли и излишнюю, если так можно сказать, назойливость. Это можно простить. Но факт остается фактом, что эта молодежь, облеченная высоким доверием народа, чувствовала высочайшую социальную и нравственную ответственность в ходе работы Съезда. Они вскрывали самые болевые проблемы нашего развития.

Мне хочется остановиться вот на каком вопросе. Об авторитете нашей партии. Снижается ли он, находится на уровне критической отметки? Или же партия была и остается политическим лидером в стране? Был ряд выступлений, в которых допускался определенный перехлест. Я не согласен с некоторыми выступлениями, например депутата Власова.

Что касается степени демократизации, о которой говорил Алексей Михайлович, то я должен сказать, что нам еще нужно искать, и довольно основательно, те измерители, которые бы могли показать, что

степень демократизации в ходе избирательной кампании была такая-то, а вот степень демократизации на Съезде была ниже. Таких критериев пока нет, и в оценках степени демократизации пока много субъективизма. По моему мнению, Съезд продемонстрировал высокий уровень демократии.

Я с уважением отношусь к Ю. Н. Афанасьеву как к историку. Но когда он заявляет, что подавляющее большинство депутатов, исключая определенную группу, представляет старую и закостенелую административно-командную систему, послушное большинство сталинско-брежневского типа, я, конечно, не могу с ним согласиться.

Александр Павлович ВЛАДИСЛАВЛЕВ,

первый секретарь правления Союза научных и инженерных обществ СССР

Мое самое яркое впечатление о Съезде заключается в том, что разговор, который состоялся, все-таки состоялся. И то, что на Съезде все вещи назывались своими именами, свидетельствует о том, что мы действительно вступаем в новый этап. Я думаю, в этом и есть главное значение Съезда. Большинство из нас десятилетия ждало такого разговора.

На Съезде совершенно четко выявилась современная расстановка сил. И сколько бы мы ни говорили о консолидации, которая действительно необходима, мы эту расстановку сил должны констатировать. Какова она с моей точки зрения? Она отразилась уже в ходе выборной кампании, в период после выборной кампании, то есть до Съезда. Сложилось очень яркое, блестяще образованное, великолепно подготовленное к дискуссиям, заангажированное на борьбу за перестройку радикальное крыло молодых людей. Я лично им просто завидую. Думаю, что, чем быстрее эти люди появятся на высших государственных должностях, тем быстрее страна обретет второе дыхание, а мы с вами поверим в необратимость перестройки.

Второе обстоятельство, которое совершенно для меня ясно, заключается в том, что очень еще сильна инерция. Огромная часть нашего населения, независимо от того, какие должности занимают эти люди, просто противится переменам. Это сопротивление вполне отчетливо прозвучало и в некоторых выступлениях на Съезде.

И есть третья часть, с которой я тоже связываю надежды на победу перестройки. Эта часть состоит из реально мыслящих людей, которые всей душой за перестройку, но в силу ряда причин уже не могут успеть, угнаться за молодыми. И тем не менее я считаю, что в ходе конструктивного диалога этих людей с молодым левым, радикальным крылом и будет достигнут успех. Но именно эта часть депутатов на съезде молчала. Она выжидала, выверяла свою позицию.

Очень тяжелое впечатление оставляет наша общая культура. Я даже не хочу говорить о демократической или политической культуре. Я говорю просто о культуре человеческого общения. Дикий крик, нежелание выслушать мнение, которое тебе изначально не импонирует. Все это особенно проявилось по отношению к А. Д. Сахарову. Это самое страшное из того, что я в своей жизни видел. Когда зал встал в каком-то фанатическом единстве, я сразу представил себе события тридцатых годов. Вот так оно и было! И должен сказать к чести столицы, московская делегация, во всяком случае ее большая часть, не встала.

Конечно, обидно матери, которая потеряла сына на войне, слышать о несправедливости той войны. Но мать должна понимать, что в то время, когда все об этой несправедливости молчали, Андрей Дмитриевич Сахаров активно выступал против нее. И поступать с ним сегодня так, как в этом эпизоде, нельзя. Это было страшное зрелище. Я уверен, что подавляющее число делегатов, вставших, кричавших и хлопавших, делали это по инерции, по привычке. Вот от этого нам нужно избавляться.

Говоря о соотношении сил на съезде, нужно отметить, что цифры результатов голосования на Съезде были очень динамичны.

Сначала против голосовало 100 человек, потом 200, 300, 500... То есть в зале происходил процесс полевения. Но нельзя забывать и о том, что голосование на Съезде — дело само по себе очень ответственное. Вот, скажем, такой момент. Когда при голосовании по составу Конституционной комиссии стали раздаваться голоса об отводе депутата Самсонова, кто-то предложил провести голосование персонально по каждой кандидатуре. Казалось бы, что может быть лучше? Но депутаты сообразили, что если голосовать персонально, то не пройдет Сахаров. И москвичи немедленно опустили уже поднятые было руки. Пусть будет Самсонов, но важно, чтобы в комиссии был Сахаров. Механизм голосования, когда рядом с тобой сидят люди и один голосует за, а другой против, отсутствовал в стране семьдесят лет. Рука все еще невольно поднимается на предложение президиума, но тут же возникают сомнения, рождаются какие-то новые внутренние силы. Возрождающаяся гражданская позиция депутата — наиболее яркое впечатление от Съезда.

В ходе заседаний выявились две характерные позиции. Первая: нужен порядок, нужно работать; не накормим людей — не будет перестройки. И вторая (которой и я придерживаюсь): не состоится перестройка — народ не накормим; все проблемы, стоящие сегодня перед страной, можно решать только с помощью перестройки, а все разговоры о том, что нужен порядок, что нужно работать без ответа на вопрос, какой порядок и как его добиться,— демагогия.

Мне кажется, что нецелесообразно было принимать даже за основу обширную резолюцию Съезда. Недостатка в подобного рода документах у нас нет. Целесообразней было бы принять очень короткий декрет — Декрет о перестройке, в котором изложить основные ее принципы и вручить таким образом политический мандат высшего органа власти каждому человеку, борющемуся сегодня за позитивные перемены в обществе, борющемуся с теми, кто ее замедляет, выхолащивает из нее революционный дух. Мне кажется, только такой документ может приниматься двумя с половиной тысячами депутатов. Принимать решения по конкретным вопросам две с половиной тысячи людей не могут. Должен быть сначала проведен профессиональный анализ каждой проблемы. А вот такой короткий документ явился бы важной политической установкой Съезда — воссоздаваемой, а может быть, и создаваемой впервые подлинной Советской власти, в ленинском представлении.

Запись и подготовка к печати журналиста ЛЕОНИДА КУЗНЕЦОВА.

«НА СЪЕЗДЕ СТАЛО ЯСНО, КТО ЕСТЬ КТО...»

Беседа члена редколлегии «Горизонта» Владимира Пекшева с народным депутатом СССР, директором 1-го часового завода им. С. М. Кирова Александром Самсоновым

— Александр Сергеевич, какой, на ваш взгляд, главный политический итог Первого Съезда народных депутатов СССР?

— Он в том, что мы переступили в нашем обществе первый порог, который мы хотим называть гласностью. Те дебаты, которые развернулись на Съезде, показали, что сегодня наше общество вступило в эпоху открытого диалога. Эта открытость обнажила истинное состояние нашей культуры, культуры общения, дискуссий.

На Съезде собрались избранники общества, был высказан целый спектр интересных идей, которые должны стать основой дальнейшей работы. Но на многие вопросы мы не получили четкого ответа. Я считаю, что в дальнейшей работе комитетов и комиссий при Верховном Совете СССР эти вопросы должны перейти в плоскость незамедлительного практического решения.

Много времени было потрачено на ненужные, я считаю, дискуссии, многие ораторы пытались, что называется, забалтывать Съезд, не говоря ни о чем конкретном. Сложилось впечатление, что ни у кого, даже у правительства, нет четкой экономической концепции. Единственное, что в докладе Н. И. Рыжкова прозвучало как конкретная программа — это кусочек о пенсиях. Все остальное — расплывчато. Неизвестно, что у нас будет в стране через два года, какие главные вопросы мы сегодня должны решать, какое направление должны принять для решения этих вопросов из массы возможных вариантов, кто конкретно за них должен отвечать. Вот об этом ничего сказано не было.

На Съезде стало ясно, кто есть кто. А это тоже очень важно, это главный, я считаю, момент. Сегодня можно многими делами заниматься, но ты должен знать, кто перед тобой. И с кем ты должен иметь дело, для того чтобы решить тот или иной вопрос. А теперь все раскрылись. Что касается, скажем, региона Москвы, для меня стало все более ясным. Могу чёстно признаться, что до этого Съезда я в отдельных моментах настолько был далек от жизни нашего города, что плохо представлял, например, какие настроения в неформальных объединениях, кто там лидер и т. д. Сейчас для меня многое стало яснее. Конечно, мне здесь помогают мои избиратели. Я понял, что общее положение не такое уж невзрывоопасное, как, допустим, казалось до того, как мы приступили к работе на Съезде. Вот что бы я ответил на этот вопрос.

— У многих людей, которые слушали ваши выступления на Съезде народных депутатов, на недавнем пленуме МГК КПСС, создалось впечатление о вас, как о волевом, жестком руководителе, который большей частью решение проблем видит в тщательном подборе руководящих кадров.

— Считаю этот вопрос одним из важнейших, а на сегодняшнем этапе экономической и политической реформы — главным.

— Как показалось, ваше замечание в адрес Г. Попова носило характер претензий к нашей экономической науке. Вы считаете, что наши ученые-экономисты недостаточно разработали новые модели и это проявляется сегодня во многих сферах народного хозяйства, в том числе и на вашем непосредственном производстве?

— Мое выступление на Съезде, хотя выступления, собственно говоря, не было, скорее замечание по ходу ведения Съезда и некоторых положений нашей московской группы депутатов. Это все было связано с этим вопросом. Сегодня я получаю письма от многих руководителей коллективов, которые благодарят меня за мое выступление. Правда, есть письма и от отдельных граждан, которые пишут примерно таким образом: «Я не ваш избиратель, и слава богу, что я вас не избирал, потому что Вы из сталинского, как Афанасьев выразился, контингента, который смотрит в рот административно-командной системе». Что я могу сказать по этому поводу? Я рассматриваю демократию не как возможность крикнуть погромче, а как реальное действие, связанное с решением возникающих проблем. Вот если следовать тем товарищам, которые сегодня говорят через каждое слово «демократия, демократия», то эти люди, я считаю, близки к анархизму. И у меня есть серьезные основания так утверждать, потому что прежде, чем о чем-то говорить, о каком-то деле, а я расцениваю людей только таким образом, у тебя должно быть свое собственное дело, о котором можно не просто рассуждать, а его видеть можно. Вот тогда можно о чем-то говорить, тогда можно человека с чем-то сравнивать.

Перестройка у нас затормозилась потому, что сегодня наше общество не в состоянии реализовать те предложения, те идеи, которые выдвинула Коммунистическая партия. У нас не хватает культуры. У нас есть огромное желание много получать за свой труд, при этом кивают на Запад. Но почему-то забывают, как работает человек в капиталистических странах, как работает там тот же инженер. Ведь результат труда наших квалифицированных рабочих, уровень наших инженеров не идет ни в какое сравнение с результатом труда этих категорий людей в развитых капиталистических странах. Вот о чем мы забываем. Это относится и к большинству наших экономистов, которые претендуют на ведущие позиции в стране.

— Вы часто бываете за границей, какова там средняя заработная плата на аналогичных предприятиях?

— Японский часовщик — 4 тысячи американских долларов в месяц, гонконгский часовщик — 400 долларов, китайский — 20 долларов. Наш — я буду говорить по своему заводу — до 300 рублей в месяц. Если перевести по курсу, 67 копеек — доллар, то можете посчитать, сколько это. Но так сравнивать зарплату, вырывая ее из условий жизни той или иной страны, нельзя. И главное — отношение к делу.

— Так что, выходит, как нам платят, так мы и работаем?

— Вы подошли к больному вопросу. Конечно, нужно как можно быстрее переходить на экономические методы хозяйствования. Чем быстрее мы сломаем командно-административную систему, тем быстрее и наша зарплата будет определяться на строго экономической основе. Надо понимать эти основы, понимать, почему так происходит, надо находить методы лечения. Но эти методы должны идти от сознания, что нужно работать хорошо, качественно, а не просто от желания получать большую зарплату. У нас же сегодня больше превалирует желание иметь больше, но не сознание хорошо выполнить порученную работу.

— То есть вы считаете, что сегодняшний этап перестройки прежде всего требует дисциплины труда, неукоснительного выполнения производственных обязательств. И поменьше митингов, больше дела?

— Я считаю, что без дисциплины в государстве ничего не будет. Если говорить о моей оценке существующей дисциплины в государстве, то она на самом нижайшем уровне. Конечно, можно заставить соблюдать дисциплину и при помощи палки. Но в обществе должна быть какая-то мораль, законы должны идти от моральной атмосферы в обществе. Сейчас все это в достаточной мере просто отринуто. Нет государственной дисциплины, дисциплины производственной, дисциплины отношения к государственной собственности, наконец, нет даже дисциплины поведения на улице, в обществе.

У нас должны быть какие-то этические нормы. Если ты их переступил, то должен нести ответственность. Это первое и основное. Какую, скажите на милость, экономическую реформу нужно делать, чтобы сегодня, скажем, в Москве пешеходы не ходили на красный свет? Это просто должен быть, с моей точки зрения, государственный порядок и бескомпромиссная ответственность за его нарушение. Железный порядок.

— Железный!

— Да, железный. Как прийти к этому порядку? Поставить везде милиционеров с дубинками? Нет конечно же. Мы сегодня должны перейти на чисто экономические взаимоотношения в государстве, везде — от начала до конца. Вот такой порядок, я считаю, должен быть установлен. Взять ту же милицию. Она что, содержится не на деньги трудового народа? Что бы мы с вами ни говорили, но это власть. И в основании этой власти также должна лежать экономика. Посмотрите на полицейского на Западе и на нашего милиционера. Там полицейский только на тебя посмотрел, кивнул головой, и к нему сразу подходят. Наш милиционер может что-то сказать, на него же посмотрят, как на какую-то помеху в жизни, когда это касается личных интересов, и еще обзовут разными словами. Почему? Да потому, что он бесправный, он не имеет ничего, кроме формы. Там же, если ты не подошел, он тебе свистнет, а уже если он свистнул, то это все будет стоить определенных денег. А если он вызвал еще машину, тебе и месячной зарплаты не хватит расплатиться за это «обслуживание». И там не спрашивают, сколько ты зарабатываешь и как ты будешь жить дальше. Это твоя забота. Давайте сравним, хорошо это или плохо для общества.

— А как вы думаете, откуда такое отношение к нашей милиции!

— У нашей милиции нет никаких прав. Почему у них права эти отобрали? Для того чтобы навести порядок на улице, милиционер должен сегодня согласовать свои действия чуть ли не с Верховным Советом.

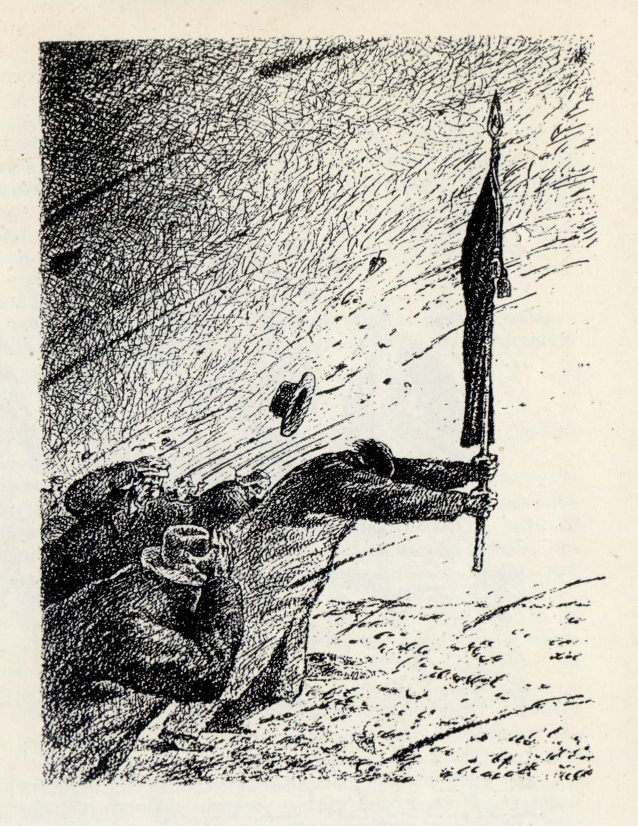
— Как политический деятель вы будете отстаивать и проводить в жизнь идеи организованности, дисциплины, культурного отношения к работе, но это будет всего лишь часть ваших забот. Депутат вынужден будет смотреть и шире, болеть, что называется, за страну в целом. В этой связи как вы относитесь к Указу о митингах и демонстрациях!

— Вы абсолютно правы, я должен заниматься этими делами. Я не против митингов и демонстраций. Но смотрите, что получается. Говорят: давайте отменим все законы, всякую дисциплину в проведении митингов и демонстраций. Но ведь должен везде существовать порядок. И я за этот указ.

— То есть он вас вполне удовлетворяет!

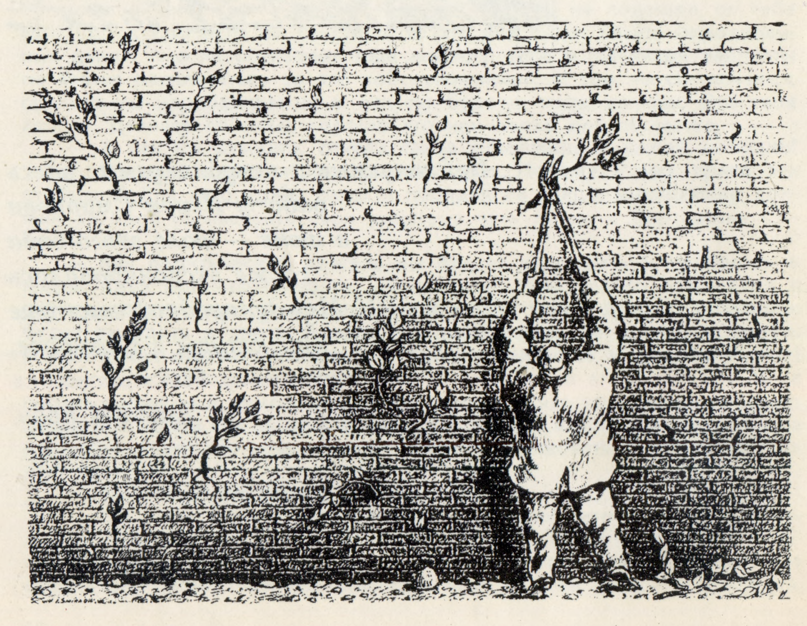
— Он меня вполне удовлетворяет. Я считаю, что он никого абсолютно не ущемляет. Если тебе надо проводить какие-то митинги и демонстрации — пожалуйста. Единственное, я считаю, что в Москве нет специально организованных площадок. Они должны быть, эти площадки.

ИГОРЬ СМИРНОВ

Публикуемые и непубликуемые здесь работы Игоря Смирнова в июне — июле этого года также экспонировались на VII Международной выставке карикатуры в Стамбуле, где художнику был присужден главный приз.

Причем площадки должны быть разные: на 50 человек, на 100 человек, если нужно, на 100 тысяч. Они должны быть оборудованы. Это все стоит денег. Ты хочешь проводить митинг в городе? Есть оформленная площадка, приходи, пожалуйста. Скажи, кто ты такой, сколько человек ты будешь собирать? Плати определенную сумму, тогда тебе будут предоставлены громкоговорители, обеспечены люди для поддержания, если тебе надо, порядка и т. п. И делай там чего хочешь и обсуждай чего хочешь! Но существуют законы — если, например, ты на этом митинге будешь провозглашать свержение Советской власти, то и реакция властей должна быть соответствующей. Вот я о чем говорю. О порядке, ни о чем больше.

— То есть вы считаете, что организаторы митинга должны выкупать у властей города место для проведения митинга и при причинении какого-либо ущерба возмещать его?

— Да, плати. И все станет на свои места.

— А если денег нет?

— Тогда и большой группы людей на митинг не собирай. Любой митинг требует организации, и затрат, и знаний.

— Но указ вызывает нарекания в другом плане: почему вопросами о проведении митингов занимаются не правоохранительные органы, а Моссовет? Ведь во многих странах организаторы митинга просто информируют о митинге полицейский участок, дабы он обеспечил порядок, а не идут в мэрию, чтобы там их расспрашивали, о чем и кто будет митинговать, и решали разрешить или нет.

— Все дело в бесправии нашей милиции. Вот если бы она была наделена властью, тут я с вами согласен, тогда не надо ходить в местный Совет, районное РУВД вполне может все обеспечить. Права же не делегированы, поэтому появляются у нас указы, законы с максимально централизованной властью. Сегодня некоторые предлагают: давайте мы все это разом развалим. Разве можно так поступать?! Другое дело, что указ этот в части процедуры надо еще раз рассмотреть, его надо поправить, разложить по всем полочкам, кто за что отвечает. Не надо заставлять людей бегать в Моссовет, чтобы они получали разрешение. Достаточно прийти на отведенную Моссоветом площадку для проведения митингов, прийти в то же самое РУВД и сказать: вы мне, товарищи, помогите, я организую митинг — все! Но этого же нет. А на Съезде прозвучало: давайте мы отменим этот указ на время Съезда. Что это за призыв? То есть за то, чтобы проводить митинги и демонстрации, где хочу и когда хочу, создать беспорядок. Поэтому его и не отменили большинством голосов, потому что посчитали, что это будет неразумное действие.

— Как было видно по телевидению, у вас сложились довольно напряженные отношения с некоторыми депутатами «московской группы». В чем причина? Потому, что вы предложили создать суд чести? Или же вас неправильно поняли, вы предлагали говорить только в плане этики?

— Сначала меня отдельные московские депутаты не поняли в том плане, что я предложил заниматься своими округами, не выступать за отмену известного указа. Это первое, что повлекло непонимание. Я что, не мог высказать свое мнение? Я до сих пор считаю, что любой избранный депутат должен работать в своем избирательном округе, и дай ему бог, если он, связанный основной работой, справится с этим делом.

Я не против митингов как таковых, если есть необходимость, нужно говорить, но почему не делать это в своем районе? Мы у себя в

избирательном округе создали клуб избирателей до Съезда. Избиратели принесли мне материалы на такие организации, как «Демократический союз», «Московский народный фронт», «Мемориал». И я увидел, что эти оппозиционные формирования более организованны, чем партийные организации Москвы в работе с населением. Я никогда не занимался этими вопросами — меня заставили заниматься, и я увидел, что это такое, что это за люди, которые в первые дни представляли эти организации на встрече в клубе.

— Но, например, в «Мемориале» много достойных людей...

— Я же не говорю об этих достойных людях. Мне не пришлось столкнуться с этими достойными людьми. Но если ты объединяешь в какой-то организации, допустим, и прекрасных людей, и плюс тех, кто вообще непонятно что собой представляет, возникает вопрос: что же это за организация?

Я считаю, что партия на этом Съезде получила недостойное унижение. Вы меня простите, ведь говорят о том, что нужно собрать партийный Съезд и переизбрать Политбюро. Я считаю, что это чрезвычайная ситуация в нашей партии.

— Александр Сергеевич, вы являетесь членом Московского городского комитета партии. Если на Съезде народных депутатов по какому-либо вопросу мнения руководства партии и депутатов разойдутся, как вы поступите в этом случае?

— Сложный вопрос. Я коммунист, член Московского городского комитета партии. Я не вижу сейчас и не предвижу в будущем таких решений партии, которые бы глубоко разошлись с тем, что мы хотим в обществе переделать, перестроить. То есть принципиальных расхождений не может быть. Другое дело, «технология» решений тех или иных вопросов может быть разная. В этом случае я буду руководствоваться своим видением проблемы.

— Вы считаете, что политическая линия Верховного Совета СССР и ЦК КПСС никогда, ни при каких обстоятельствах не может быть различной?

— Во-первых, я уверен, что партия не примет такого решения, которое шло бы вразрез с чаяниями народа. Во-вторых, считаю, что по важнейшим вопросам жизни страны партия должна и может организовывать общепартийные дискуссии. Выявив мнение большинства коммунистов, партия никогда не разойдется с народом, а значит, и со Съездом Советов. Если же это вдруг возникнет на Съезде, то, как советовал В. И. Ленин, надо срочно собирать ЦК партии и принимать решение.

А дискуссии нужны, они давно назрели. На многих участках партийная работа сильно отстает от времени. Ну, например, в идеологической работе с населением. И потом. Ну сколько можно говорить о том, что не хватает мыла! Или порошка! Это что, нерешаемая проблема? Если взять масштаб страны — мелочь. Просто не верится, что не можем наладить нормальное производство. Здесь, по-моему, нужно строго, по-партийному спросить с конкретных руководителей.

— Как вы относитесь к выступлению Б. Н. Ельцина на Съезде?

— Почти все в его выступлении я разделяю. Но есть положения, которые спорны, например его мысли об отзыве главы государства, о референдуме и т. д. Избиратели меня спрашивали: «Если Б. Н. Ельцина и вас изберут депутатами, вы будете с ним работать?» Я говорил: «Буду, почему не поработать? Но если я, когда мы будем решать какие-то вопросы, увижу, что Борис Николаевич хорошо говорит, а на деле у него ничего не получается, что он не может обеспечить решение того или иного вопроса, я скажу: нет, не надо мне такого партнера». Это относится к любому человеку, а не только к Б. Н. Ельцину. За каждым человеком должно стоять реальное дело, дающее пользу народу, а не разговор.

— Вы говорили о культуре дискуссии, как вы относитесь к обструкции, устроенной на Съезде академику А. Д. Сахарову?

— К любой обструкции депутата отношусь отрицательно. И свои эмоции в определенной мере сдерживаю, хотя далеко не во всем с ним согласен. Опять же после Съезда на встрече с избирателями меня спросили: «Когда Сахаров сходил с трибуны, вы встали или продолжали сидеть?» Я ответил: «В первый раз я встал, как и многие поддавшись эмоциям, царившим в зале, когда депутат от Грузии потребовал лишить депутатских полномочий генерал-полковника Родионова за те, в его изложении, чудовищные действия, которые были предприняты армией. Я кляну себя за этот поступок. Почему? Да потому, что после выступления на Съезде самого Родионова, просмотра фильма о событиях в Грузии 9 апреля, я понял, что ситуация в Тбилиси была вовсе не такая однозначная, как это было представлено грузинским товарищем. Тогда зачем же я вставал?» Я скажу только одно; если нам годика через три покажут фильм об этом Съезде и покажут нас, какие мы там были, придется краснеть от стыда. Мы совершенно не привыкли к дискуссиям, мы не знаем, как их вести. Мы не отвечаем за дезинформацию на Съезде. Я за абсолютно спокойный разговор. Вот кого-то обидело, что я там Г. Попова пригласил к себе на завод поработать как экономиста. Что же здесь обидного? У нас академики, профессора принимают участие в разработке и внедрении многих нужных для завода вопросов. Они находят интерес для своей профессиональной работы. Да и любой человек, если он так боится производства, вряд ли может называться настоящим ученым. Опыт — теория — практика — это дорога ученого. А если ты предлагаешь только теорию, и практики по твоей теории нет, тогда это сизифов труд и больше ничего.

— Считаете ли вы, что Съезд выполнил свою основную задачу, воплотил ли он на практике лозунг: «Вся власть Советам»?

— Нет, лозунг остался пока лозунгом. Но по дороге к подлинному народовластию мы резко продвинулись. На сегодняшний момент в целом наше общество еще не созрело для этого.

Желание получить власть — это одно, отвечать, применяя власть,— другое. Советские органы пока не готовы отвечать за всю полноту власти. Прежде всего из-за своего качественного состава. Это все не так просто, как многим кажется.

Приведу пример из жизни своего завода. Начальники цехов у нас жаловались: нет, мол, у них никаких прав. С 1989 года мы передали им почти все права управления цехами, оставив за руководством завода только одно право — право распределения с советом трудового коллектива завода средств на основные фонды. И когда они посмотрели, почувствовали эту ответственность на деле, грубо говоря, оторопели, что они будут делать с этой властью и как теперь себя вести? И прошло полгода, а некоторые еще не в состоянии применить эту власть на деле, им нужен поводырь к данной в руки власти. Вот вам локальный пример разговора о власти и реальном деле.

Съезд продемонстрировал, что мы подошли вплотную к решению важнейших вопросов демократии и их нужно решать. Съезд показал, что мы сегодня собой представляем. Показал и нам самим, и всему миру.

Алексей Ренкель

ЗАКОН ОБ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВЕ: ОТКРЫТЫЙ ФИНАЛ

В повести «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» известный американский писатель и изобретатель Марк Твен переносит своего героя, современного рабочего-механика, из Америки второй половины XIX века в Англию VI века. Вступив в должность первого министра при дворе короля, он сообщает: «Первое мое государственное мероприятие, проведенное мною в первый день моего вступления в должность, заключалось в том, что я основал бюро патентов, ибо я знал, что страна без бюро патентов и без твердых законов, защищающих права изобретателей, подобна раку, который может двигаться только вбок или назад». Твен в художественной форме повторил господствующий в юриспруденции со времен Римского права принцип: «Закон рождают факты». Один из них, основополагающий, свидетельствует: 44% роста производительности труда в США после второй мировой войны получены за счет технических достижений.

В предшествовавшие Октябрьской революции в России 105 лет было принято четыре законодательных акта в области изобретательства. Первый из них — «Манифест о привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» появился 17 июня 1812 года, спустя пять дней после начала Отечественной войны. Согласно манифесту, привилегия, как и зарубежный патент, удостоверяла признание технического предложения изобретением, его приоритет, авторство на изобретение и исключительное право на использование изобретения в течение определенного срока и за соответствующий пошлинный взнос. Описание 36 078 изобретений дореволюционного периода содержится в 57 годовых томах «Сводов привилегий». В соответствии с законом 1896 года в описаниях изобретений введен специальный раздел, где приводится формула того или иного изобретения, текст которой составлен по международным правилам, допускаются ссылки на позиции чертежа, определяется объем прав владельца привилегии (затем авторского свидетельства и патента); была начата сквозная нумерация описаний, продолжавшаяся до 1917 года (№ 1—29 746). В Петербурге основана патентно-техническая библиотека.

Сегодня эта библиотека находится в Москве. На 1 января 1987 года общий объем хранящихся в ней фондов отечественной и зарубежной (из 59 стран мира, четырех международных организаций и двух информационных фирм) патентной документации составляет более 87,2 миллиона описаний изобретений и выложенных заявок на 28 языках. Библиотека — не музей истории развития мировой техники и не кладбище канувших в Лету заблуждений, а кладезь технической мудрости, собрание проектов архитектурных ансамблей, многие из которых остались невоплощенными из-за своего преждевременного рождения. Фондами Всесоюзной патентно-технической библиотеки и справочно-поискового аппарата к нему постоянно пользуются почти 60 тысяч специалистов народного хозяйства при исследовании запатентованных технических решений, проверке патентной чистоты объектов техники в случае экспортных поставок, продаже лицензий и проверке патентоспособности предполагаемых изобретений.

Первым законодательным актом Советского государства в области изобретательства стал подписанный В. И. Лениным декрет СНК РСФСР от 30 июня 1919 года, которым вводилась неизвестная ранее в мировой практике форма охраны изобретений — авторское свидетельство. В силу режима авторского свидетельства субъектом исключительного права на изобретение является Советское государство; гербовые сборы и пошлины за заявления и выданные свидетельства не взимаются.

Спустя пять лет, 12 сентября 1924 года, было принято постановление ЦИК и СНК СССР о патентах на изобретения. Оплачиваемый патент предоставил автору изобретения исключительное право, под которым в патентном праве понимается его право использования и распоряжения изобретением и запрет на использование изобретения другими лицами. Смотреть со стороны, мы находимся в состоянии непрерывного эксперимента, неугасимой надежды изобрести такой закон, который решит все наши проблемы с внедрением изобретений.

Способ, форма охраны изобретений как научно-технических достижений (НТД) выражает индивидуальную и общественную потребность. С 1931 года и поныне в нашей патентной системе и в патентных системах ряда социалистических стран успешно действуют две паллиативные формы охраны изобретений: авторское свидетельство и патент. Промышленную собственность, выражающуюся в виде авторских свидетельств, патентов, «ноу-хау» и проч., принято обычно оценивать в техническом или коммерческом плане, но она имеет практическую ценность и интерес только с экономической точки зрения, ибо способствует промышленной и коммерческой эксплуатации товаров (продуктов или процессов), которые охраняет. Выбор же охранного документа — прерогатива автора изобретения. Советские изобретатели предпочитают получать беспошлинные авторские свидетельства, а иностранные заявители, напротив,— патенты, рассматривая право промышленной собственности как право на товар — специфический продукт интеллектуальной деятельности индивида.

А. Ф. Ренкель — патентовед, изобретатель, старший преподаватель Московского института нефти и газа им. И. М. Губкина

Способствовала ли эта симбиозная патентная система научно-техническому прогрессу? С точки зрения патентной доктрины — безусловно. Имена замечательных советских изобретателей В. Шухова, Б. Патона, Л. Кошкина, С. Федорова и многих других — создателей оригинальных, нередко выдающихся технических решений, авторов запатентованных во многих странах технических новшеств — широко известны. За рубежом их труды высоко ценятся на рынке технических идей. Статистика утверждает, что каждые десять минут в нашей стране рождается изобретение, а число ежегодно регистрируемых изобретений достигает 80 тысяч, являясь самым высоким в мире (Финансы СССР. 1987. № 12. С. 45). С 1924 года по настоящее время в стране выдано около 1,5 миллиона охранных грамот. Подавляющее их большинство — авторские свидетельства.

Внедрение изобретений в СССР дает ежегодно примерно половину экономии материальных ресурсов, $1/3$ достигнутого повышения производительности труда всех работающих. Только за один 1986 год у нас впервые было использовано 24 тысячи изобретений с экономическим эффектом 3,6 миллиарда рублей, который превысил этот показатель предыдущего года на 0,4 миллиарда рублей.

За минувшие 25 лет «Лицензинторг» заключил около 2 тысяч экспортных и импортных соглашений и контрактов; количество лицензий, проданных в одиннадцатой пятилетке, превысило аналогичный показатель десятой пятилетки в 1,7 раза. За последние несколько лет страны Запада купили у СССР и других социалистических государств лицензии на 50 миллионов долларов. Американские фирмы за 1973—1983 годы приобрели в странах Восточной Европы более 125 лицензий, в том числе на контактную линзу, средство против сердечных приступов — этнозин, метод электромагнитного литья алюминия и меди, технологию производства хирургической швейной машины...

Однако повременим с аплодисментами. Если техническое творчество в нашей стране находится на столь высоком мировом уровне, если в изобретательстве, как «в области балета», по известной песне, мы «впереди планеты всей», возникает вопрос: зачем нам вдруг и срочно потребовался принципиально новый Закон об изобретательской деятельности в СССР, проект которого тщательно и многократно рассматривался в правительстве и в ЦК КПСС, а затем в 1989 году активно обсуждался научно-технической общественностью на страницах центральных газет?

Стержнем экономической и социальной стратегии партии на современном этапе является поворот экономики страны в сторону повыше-

ния эффективности производства и качества продукции. Решить эту задачу можно лишь на основе научно-технического прогресса, одним из серьезных двигателей которого является изобретательская деятельность. Как известно, от 50 до 70% прироста национального дохода обеспечивается за счет реализации достижений науки и техники в производстве. Темпы научно-технического прогресса стимулируются, во-первых, патентной системой и, во-вторых, определяются быстротой и масштабностью использования научно-технических достижений. Вот это «во-вторых» у нас и пробуксовывает. «Порок заложен в самой хозяйственной системе, которая лишила работников всех производственных и управленческих звеньев материального интереса к результатам своего труда. Именно существующая экономическая система воспроизводит трутней и подавляет творцов на всех уровнях. Экономия средств и снижение себестоимости продукции не нужны никому из работников министерства, не нужны они и министру, так как сэкономленные средства все равно будут изъяты в общегосударственный котел и пойдут тому, кто плохо работает» (Правда. 1988. 20 декабря).

Но следует сказать, что и в изобретательской работе стали проявляться негативные тенденции. Изобретательское творчество теряет престижность среди рабочих, ИТР и ученых. В нем участвует не более 4% трудящихся, занятых в народном хозяйстве. Изобретательством могут заниматься только очень самоотверженные люди. Остальные не выдерживают. С конца 70-х годов в СССР практически не растет число изобретателей, в 3 раза уменьшилось число предложений, приходящихся на одного специалиста с высшим образованием. Всего 6 изобретений приходится на тысячу инженеров и 52 изобретения — на тысячу ученых. Это привело к тому, что наше государство по удельным показателям на тысячу человек населения уступило первенство в изобретательской активности другим странам.

Патентная информация выполняет две основные функции: информирование о появлении охранных прав на изобретение и предоставление обществу информации о технической сути изобретения. Специфичная патентная документация является важнейшим, но малоиспользуемым у нас источником технической информации, хотя она предоставляет такие сведения, которые невозможно найти ни в одном другом источнике научно-технической информации. Анализ патентной информации позволяет избежать дублирования в научных исследованиях, может подсказать нужное решение технической проблемы. В государственной системе информационных ресурсов, сконцентрировавшей в себе значительный интеллектуальный потенциал, еще в начале минувшей пятилетки насчитывалось 2,2 миллиарда документов. А вот было выдано и, видимо, пригодилось только 1,4 миллиарда. То есть обращаемость фондов не превышает 0,65. Еще хуже положение с практическим использованием результатов научно-технических достижений, передового опыта, заимствованных из информационных материалов. И это в то время, когда в мире ежегодно продается около 25 миллионов источников научно-технической информации общей стоимостью от 100 до 150 миллионов долларов. Проведенные обследования показали, что около 32% из тех, кто не пользуется патентной информацией, просто не знают о ее существовании, а 31% — не верят в ее полезность.

Итак, сбои «двигателя» научно-технического прогресса предопределены — отсутствует спрос промышленности на изобретения (у коллективов промышленных предприятий нет экономической заинтересованности в использовании новшеств и оснований для отказа от выпуска устаревшей продукции, дающей вполне устраивающую их прибыль). А между

тем, по мнению академика Аганбегяна, «на социалистических основах не только можно, но необходимо создать более мощные, чем при капитализме, стимулы для внедрения НТП. Хотя это, пожалуй, самый сложный вопрос в перестройке системы хозяйствования» (Комсомольская правда. 1988. 23 апреля). По данным Государственного комитета по науке и технике Совета Министров СССР, до практического внедрения доходит едва ли треть изобретений; 80% новых разработок используется всего лишь на одном предприятии, менее 20% — на трех-четырех и лишь 0,6 — на пяти и более. Значительная часть изобретений используется повторно для отчетной «галочки» и через столь отдаленные сроки, что в большинстве случаев они являются давно морально устаревшими, не приносят своим создателям дивиденды. Комиссиями по науке и технике палат Верховного Совета СССР отмечено, что в среднем по стране вознаграждение за использование изобретений получают только 20% их авторов.

Ни для кого уже, вероятно, не секрет, что эффективность использования кадров в НИИ не превышает в среднем 40—60%, что около половины их разработок не внедряются в производство, что 40% запатентованных за рубежом изобретений не освоено патентообладателями и что мы вообще патентуем смехотворно мало, ввиду чего весь наш «экспорт идей» — около 70% продаваемых лицензий — патентами не защищен.

Сокращение сроков освоения научно-технических достижений на один год может дать народному хозяйству эффект в 5—6 миллиардов рублей. При ежегодном экономическом эффекте в 3—4 миллиарда рублей от использования изобретений народное хозяйство страны может получить 10 миллиардов, которые позволят в большой мере покрыть ежегодные убытки предприятий, достигающие 11 миллиардов рублей. Источник этих государственных расходов известен: деньги отобраны у хорошо работающих предприятий, использующих у себя достижения научно-технического прогресса (Огонек. 1989. № 10. С. 8).

В большинстве организаций руководители живут только сегодняшним днем, не заглядывая в будущее. Администратор предпочтет ошибиться и упустить ценную идею, чем доставить себе хлопоты, связанные с ее проверкой и освоением, выплатой авторского вознаграждения. Наших хозяйственников до последнего времени не очень-то волновала проблема внедрения технических новинок, требующих материальных, финансовых затрат да еще и непредсказуемого риска.

Председатель Государственного комитета по делам изобретений и открытий И. С. Наяшков писал: «Вся масса изобретений представляет собой общенациональное достояние и может быть использована на любом предприятии, в любой отрасли народного хозяйства. С одной стороны, это, конечно, хорошо. Но вот оборотная сторона медали: изобретения можно и не использовать, ибо нет еще действенных факторов, которые бы побуждали каждое звено хозяйственного механизма стать на путь научно-технического прогресса. Нынешние стимулы базируются в основном на дисциплинированности и сознательности. Жизнь показала, что этого явно недостаточно» (Советские профсоюзы. 1986. № 15. С. 3).

И глава патентного ведомства говорит о том же «во-вторых», из-за которого наша экономика не запускает изобретательский маховик на самую большую скорость. Зарекомендовавшая себя и десятилетиями успешно действующая отечественная патентная система, здесь ни при чем! А если так, позволительно без обиняков спросить составителей проекта Закона об изобретательстве: кому и для чего понадобился этот отвлекающий маневр, цель которого — свалить болезни с больной го-

ловы на здоровую, в чем его действительная сущность и рациональность?

Центральный вопрос проекта закона связан с правом собственности на изобретение. Он вводит единый вид охранного документа — патент. Но разве в этом суть того самого «во-вторых»? Обсудив проект, январский (1989 г.) Пленум Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР) едва ли не единодушно выступил против него в целом. Это не патентофобия. Ведь и сегодня изобретатели могут получать патенты и делают это, но число их мизерно. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), членами которой являются 117 государств, в Советском Союзе в 1986 году было подано 173 036 заявок на изобретения. Защиту патентом требовало 22 отечественных изобретателя, то есть 0,01% всех заявителей. Они, кстати, ни в том, ни в предыдущем годах не получили ни одного патента! Но если бы их было даже в тысячу раз больше, что маловероятно, и все предложения оказались бы защищенными патентами, что практически исключено, то и в этом случае количество новых технических решений снизилось бы в 4 раза. Вот это и будет «благоприятный» нулевой вариант: нет решений — нет и проблемы с внедрением; нет высокоразвитой экономики, нет нужды в Государственном комитете по науке и технике (ГКНТ)! Вот что думает об этом заслуженный изобретатель, народный депутат СССР Л. Данилов: «Если закон вступит в силу, это станет непоправимым ударом по изобретательству» (Социалистическая индустрия. 1989. 14 февраля). Эту же мысль высказывал П. Колбацкий, заслуженный изобретатель, лауреат премии Совмина СССР: «В проекте закона авторское свидетельство аннулируется. Это решение нанесет огромный ущерб государству, так как новаторы просто перестанут заниматься техническим творчеством» (Там же, 3 января). В лучшем случае будут заниматься только рационализацией производства, где авторское вознаграждение увеличивается до 10 тысяч рублей и не надо платить пошлины.

За сохранение статус-кво выступают и другие изобретатели.

В изобретательстве «гайки» можно закручивать до бесконечности, не рискуя упереться в потолок совершенства. Однако в управлении изобретательством «гайки» необходимо тщательно смазывать, крутить осторожно, не контргаить, а то ведь недолго и сорвать резьбу, погубить весь отлаженный механизм. Новаторы опасаются за судьбу изобретательства на пошлинной основе, так как за патент надо платить 3—5 тысяч рублей.

Патент на изобретение не является самоцелью, это лишь средство, обеспечивающее будущую промышленную эксплуатацию на льготных условиях результатов интеллектуального труда.

Предлагаемое нововведение исходит из того, что имеется рынок и ожидаемый рыночный спрос на дефицитный товар-изобретение, защищенное патентом. Но промышленного рынка у нас пока нет, да и появится он, судя по всему, не завтра. В «Мертвых душах» Гоголя Чичиков давал деньги за несуществующих людей, а с изобретателей предлагают брать пошлины за их же труд и отсутствующий рынок. В ГКНТ считают, что «у нас еще не привыкли, как за рубежом, видеть в изобретении «товар», за который можно получить значительное вознаграждение, и, следовательно, надежно защищать права собственности. Кроме того, новый закон должен привлечь иностранных изобретателей, а значит, должен учитывать и их интересы... Мы не можем не учитывать международных законов» (Правительственный вестник. 1989. № 4).

Звонкие фразы, за которыми ничего нет. Изобретатель не заинтересован в затратах на получение патента до тех пор, пока не определена коммерческая ценность данного изобретения. Складывается впечатление, что люди, работавшие над проектом закона об изобретательстве, весьма далеки от жизни (Социалистическая индустрия. 1989. 7 января).

Реализация новых отечественных и зарубежных технических решений предполагает наличие действенной рыночной инфраструктуры, высокий уровень деловой активности и связанной с ней политики. Зарубежные патенты блокируют рынок. Это патентная политика и азбука. Призыв ГКНТ свидетельствует, по меньшей мере, о патентной неосведомленности ответственных лиц в нашем техническом штабе. Что же касается повышения уровня защиты интеллектуальной собственности, то ничто не мешает ГКНТ взять на себя и узаконить порядок выдачи заинтересованным предприятиям от имени государства лицензий на использование изобретений, защищенных авторскими свидетельствами, предусмотреть меры ответственности за их незаконное использование, как это имеет место при нарушении патента, ибо имеется немало подтверждений неписаного политэкономического тезиса: «То, что принадлежит всем, не принадлежит никому». «Перед нами гигантский, все прочее превосходящий ресурс. Спящие, не работающие на общество ценнейшие, иной раз многомиллиардные по своему возможному эффекту изобретения. Неужто же ничьи, беспризорные? В самом ли деле защитить их некому?» — писала газета «Советская Россия» 15 октября 1985 года. Хозяином собственности является тот, кто ею реально, а не формально распоряжается, кто принимает о ней решения, кто отправляет функцию хозяина этой самой собственности.

Нет никаких препятствий и практически уравнять авторское свидетельство с патентом при их незначительном, часто формальном различии: право преждепользования, корректирование формулы изобретения только в сторону сужения прав заявителя и др. Международное же признание авторское свидетельство получило еще в 1967 году на Стокгольмской конференции, когда в текст ст. 4 Парижской конвенции было включено специальное правило о конвенционном приоритете по заявкам, первоначально поданным на получение авторских свидетельств. Введение этого правила явилось признанием равноправия в международных отношениях формы правовой охраны изобретений, существующей в СССР и в ряде стран СЭВ (авторское свидетельство), с той формой, которая действует в капиталистических странах (патент исключительного права).

Предлагаемая проектом закона временная охрана изобретений (отсроченная экспертиза) используется практически всеми патентными ведомствами, и ее следует включить в приемлемый для всех действительно новый закон, но с соблюдением «их» срока охраны — 7 лет, а не как предлагается «у нас» — четырехгодичного, если уж мы так хотим во всем «учитывать международные законы». Издержки же патентного ведомства должно взять на себя государство как сторона, получающая львиную долю дохода от использования изобретений. Имеются в виду содержание экспертизы и судебные издержки по изобретательским делам.

Но что же предлагают авторы проекта закона для решения проблемы «во-вторых» — широкомасштабного использования изобретения в народном хозяйстве? В статье 39 говорится, что доходы от использования изобретений и продажи лицензий не подлежат отчислению в госбюджет лишь в течение трех лет со дня регистрации изобретения. Это, можно не сомневаться, будет способствовать ускоренному и широкомасштабному использованию мелких изобретений только в этот весьма

короткий срок, по истечении которого у предприятия-лицензиата интерес к нему пропадет. Закон тем самым не будет реализовывать свое основное предназначение — ускорять внедрение новых разработок. Статьи 39 и 48 должны предусматривать дифференцированный порядок распределения дохода от использования изобретения и премии за содействие его созданию. В первые 7 лет с начала действия охранного документа весь доход государственного предприятия, использующего изобретение, и соответствующая премия налогом облагаться не должны. Затем, с восьмого по одиннадцатый год, налог взимается в размере 35%, с двенадцатого по пятнадцатый — 50% и, наконец, в период от пятнадцати до двадцати лет предприятие отчисляет в госбюджет 75% своей прибыли. «Нам много надо учиться. Мы не сможем построить справедливые отношения без развитой налоговой системы,— писала «Вечерняя Москва» 23 марта этого года.— В цивилизованном обществе нужно уметь находить компромиссы. Доход предприятия делится на три части: это — центру, это — совету, это — себе».

При всех глобальных недостатках проект закона содержит ряд ценных и перспективных предложений: снимается «потолок» вознаграждения, систематизируется и увеличивается премия за содействие и другие предложения, направленные на обеспечение ускоренного и широкомасштабного использования изобретений в народном хозяйстве. Включение их в действующее Положение 1973 года поставит все точки над «і» ко всеобщему удовлетворению и выгоде.

Задачи совершенствования государственной патентной системы и масштабного освоения патентов народным хозяйством всегда и во всех странах волновали изобретателей и государственных деятелей. 400 лет назад английский философ Фрэнсис Бэкон писал: «Введение знаменитых изобретений занимает первое место среди человеческих деяний». Но и сегодня страна-прародительница патентного права испытывает недостаток в изобретениях. В 1986 году в Лондоне состоялся симпозиум английских изобретателей, который обсуждал проблемы внедрения перспективных изобретений. Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер направила симпозиуму специальное послание, в котором одобрила его деятельность.

Итак, обсуждение проекта Закона об изобретательской деятельности в СССР показало: в нынешней редакции он неприемлем. И нужна не просто его доработка, а коренная переработка на основе привычной и действующей патентной системы. Нам следует прислушаться к совету, содержащемуся в английской пословице: «Если нет самого лучшего, используй наилучшим образом то, что имеешь».

Яков Шестопал

ПЛОДЫ И ГОСТы

Каждый раз, покупая в магазине овощи и фрукты и обнаруживая подпорченные либо гнилые, мы задаемся вопросом, где их умудрились довести до такого состояния: сразу после уборки, во время транспортировки в овощехранилища, в самом овощехранилище или же в магазинах! Попробуй угадай при таком количестве «перевалочных» звеньев от производителя до потребителя. Впрочем, не ошибемся, если придем к выводу, что в этой цепи найдется сразу несколько виновных инстанций. О них не раз уже писалось и говорилось. Мне же хотелось бы обратить внимание на то, как и какими документами нормативного характера регулируется эта проблема. Конечно, речь прежде всего пойдет о стандартах.

Казалось бы, совершенно ясно, что их первейшая задача — устанавливать и внедрять такие нормы показателей качества, соблюдение которых обеспечивало бы поступление в хранилища отличной сельхозпродукции. Между тем выясняется: не на всё, что идет к нам на стол, имеются стандарты. Они есть только на несколько десятков видов овощей, бахчевых культур, плодов и ягод, но нет ГОСТов, скажем, на редис, кабачки, помидоры, свежий виноград...

По правде говоря, и некоторые действующие ГОСТы не лучшим образом защищают интересы потребителя и государства. В них, например, не указано, что качественные показатели продукции должны определяться только после того, как она прошла предварительную товарную обработку, то есть в момент сдачи и отправки ее из хозяйств. При таком подходе к делу колхозы и совхозы более бережно относились бы к выращенному урожаю, поскольку в противном случае неминуемо вступают в действие соответствующие санкции, отрицательно отражающиеся на их экономических показателях.

Хотелось бы в связи с этим сослаться на зарубежные нормативы, в том числе и социалистических стран, в которых четко и точно обозначено время (сроки), когда определяются качественные показатели продукции. Так, во всех стандартах на плоды и овощи, принятых Европейской экономической комиссией ООН по сельскому хозяйству, указано, что качество яблок, груш, ягод, томатов, картофеля устанавливается на стадии отправки, точнее, после товарной обработки и упаковки.

Что это дает! Прежде всего, право предъявить к производителю овощей и фруктов требование, чтобы их качество при сдаче и поставке соответствовало показателям, зафиксированным в стандартах. В этом случае и посредник, то есть заготовитель, уже не сможет свою нераспорядительность и безответственность свалить на тех, кто вырастил урожай. В результате повышается ответственность за сохранность овощей и фруктов как самих производителей, так и заготовителей.

Возьмем для примера наш ГОСТ 7176—68 на свежий продовольственный картофель. Если руководствоваться им, то качество этой продукции оценивается по внешнему виду клубней, их форме, различным дефектам и степени загрязнения. Но разве только этим характеризуются потребительские качества картофеля! Разумеется, нет. ГОСТом не предусмотрено единого требования к заготовкам и реализации, им допускается транспортировка позднего картофеля без тары (навалом), приемка его от производителя и сдача покупателям целыми партиями. Я умалчиваю пока о нитратах.

Любопытно, однако, что требования ГОСТа к качеству также целиком относятся ко всей партии, в то время как оплата картофеля и овощей при их продаже государству хозяйствами и при доставке покупателям производится не целиком за партию, а отдельно за стандартную и нестандартную. В итоге сравнительно высокая оплата нестандартной продукции с установленными скидками за ее отгрузку никак не сказывается на экономическом благополучии колхозов и совхозов, которым выгодно отправлять покупателям картофель навалом и невыгодно заниматься его сортировкой,

Что же надо предпринять! Думается, следующее: во-первых, для пресечения закупок и завоза в города нестандартных продуктов следовало бы в ГОСТах на картофель и овощи предусмотреть принцип общей оценки партии в зависимости от качества, с подразделением на первые и вторые сорта; во-вторых, партии, не соответствующие этим двум сортам, оценивать как нестандартные. Ведь оправдали же себя подобные ГОСТы на семечковые и косточковые плоды.

Возможен и вариант с тремя сортами картофеля — первый, второй, третий. Хорошо при этом предусмотреть условия упаковки и маркировки. Пусть будут упаковки разного веса (расфасовку производит поставщик), а маркировка могла бы фиксировать такие, скажем, данные: наименование вида картофеля (до определенного числа и месяца — ранний, после этого срока — поздний), наименование сорта, технологическая характеристика (очень трудноразваримый, салатный, трудноразваримый, разваримый), вес и дата упаковки, размеры клубней и, может быть, даже адрес поставщика. И чтобы при этом любое отступление от указанных требований рассматривалось как нарушение условий поставки с соответствующими санкциями.

Нельзя, мне кажется, считать нормальным, когда государственный стандарт, как это практикуется сейчас, допускает к приемке картофель, больной фитофторой, с большой площадью поврежденной кожуры. Такой продукт придет в негодность, даже если хранить его в золотых хранилищах с особым режимом: гнилой, он неминуемо доведет до гнилости соседние здоровые клубни. Начнется цепная реакция повальной порчи. Стоит ли держаться такого «добренького» ГОСТа, который хотя и позволяет отрапортовать об огромном количестве валовых заготовок, но в конечном итоге доставляет мало радости и много вреда! Нельзя же, в самом деле, столь безответственно относиться к картофелю, справедливо именуемому в народе «вторым хлебом». Напомню, что в тридцатых годах стандарты на него отличались большей требовательностью. В них предусматривалось деление его на сорта, а приемка продукта, больного фитофторой, категорически исключалась.

Несколько слов о нормах естественной убыли веса свежих груш, яблок, слив, черешни, вишни, абрикосов, персиков, винограда, огурцов, помидоров, баклажанов и кое-чего другого. Прямо скажу, они никак не способствуют сокращению потерь, хотя довольно продолжительное время именуются почему-то «временными» и введенными в порядке эксперимента. Непонятно, прежде всего, по каким причинам они предусматривают единый процент убыли как для помидоров и огурцов, так и для скоропортящихся плодов и овощей (абрикосы, вишни), а также на капусту, лук, которые в пути следования лучше сохраняют свои качества и вес. Не надо быть специалистом в области сельского хозяйства или в области торговли и заготовок, чтобы сделать вывод: уравниловка здесь неуместна и, если хотите, вредна.

Словом, задача сохранения сельхозпродуктов, борьбы с потерями, бесхозяйственностью, хищениями настоятельно требует наведения порядка в нормативном хозяйстве. Необходима тщательная и придирчивая инвентаризация действующих документов, ГОСТов с тем, чтобы отсеять, отменить отжившие, вредные, не соответствующие требованиям сегодняшнего дня, и разработать новые, прогрессивные, по-настоящему рациональные. Нужен только продуманный, взвешенный, научно обоснованный и обязательно строго дифференцированный территориально подход к этому важному делу.

Анатолий Марченко

«...ДОЛГ НАШЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СОВЕСТИ»

Анатолий Тихонович Марченко (1938—1986) — автор документальных книг «Мои показания» (1968), «От Тарусы до Чуны» (1975), «Живи как все» (эту книгу он не успел закончить). В них он рассказывает о репрессивной системе 1960—1970-х годов, все «прелести» которой сам испытал с лихвой. Впервые Анатолий Марченко попал в лагерь за «участие» в драке между сосланными в Сибирь чеченцами и местными русскими; ему было тогда 19 лет. Через два года пришло постановление о его досрочном освобождении со снятием судимости. Но оно запоздало: к тому времени Анатолий бежал из лагеря и после года скитаний по Сибири (без документов) решился уйти за границу, был схвачен и получил новый срок.

Дальнейшая судьба такова: отбыв шестилетний срок заключения, он написал «Мои показания» — книгу о том, что он видел и пережил. Новые сроки — и в ответ новые книги. Репрессии, обыски — только на моей памяти их было более 20. Из неполных 49 лет жизни Марченко провел в тюрьмах, лагерях, ссылке 19 лет. В короткие промежутки на свободе он работал буровым мастером, чернорабочим, грузчиком, кочегаром. И в заключении и на воле занимался самообразованием.

В своих произведениях — протестах против нарушений прав человека у нас в стране Анатолий Марченко взывал к чувству гражданской совести, гражданского долга своих соотечественников. Но они дошли лишь до читателей самиздата. Не изданные на родине книги были переведены на десятки языков и вышли во многих странах мира.

Стремясь быть услышанным во что бы то ни стало, Марченко написал несколько открытых писем: о лагерной системе, о «пражской весне», об отмене смертной казни, о высылке в г. Горький академика А. Д. Сахарова и др.

В последний раз Марченко был арестован в марте 1981 года, обвинен по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и осужден на 10 лет лишения свободы и 5 лет ссылки.

Добиваясь освобождения всех узников совести, он умер 8 декабря 1986 года в чистопольской тюрьме после четырехмесячной голодовки...

В 1988 году Европейский парламент наградил посмертно Анатолия Марченко премией имени Сахарова «за свободу мысли»; вместе с ним награжден Нельсон Мандела — оба они стали первыми лауреатами этой премии.

Председателю Общества Красного Креста СССР — Митереву Г. А.
Министру здравоохранения СССР — Петровскому Б. В.
Директору Института питания АМН — Покровскому А. А.
Патриарху Всея Руси — Алексию
Президенту Академии наук СССР — Келдышу М. В.
Президенту Академии медицинских наук СССР — Тимакову В. Д.
Директору Института государства и права — Чхиквадзе В. М.
Ректору МГУ — Петровскому И. Г.
Первому секретарю правления Союза писателей СССР — К. Федину.
Председателю правления Союза журналистов СССР — Зимянину М. В.
Писателям:
К. Симонову,
Р. Гамзатову,
Р. Рождественскому,
Е. Евтушенко
(Копия в ООН — Комитет по защите прав человека)
(Копия — Международной конференции ООН по правам человека)

...Пять месяцев назад я закончил книгу «Мои показания» — книгу о шести годах (с 1960 по 1966 г.), проведенных во владимирской тюрьме и в лагерях для политзаключенных. Во вступлении к книге говорится:

«...Сегодняшние советские лагеря для политзаключенных так же ужасны, как сталинские. Кое в чем лучше. А кое в чем хуже.

Надо, чтобы об этом знали все.

И те, кто хочет знать правду, а вместо того получает лживые благополучные газетные статьи, усыпляющие общественную совесть. И те, кто не хочет ее знать, закрывает глаза и затыкает уши, чтобы потом когда-нибудь иметь возможность оправдаться и снова выйти чистенькими из грязи: «Боже мой, а мы и не знали...» Если у них есть хоть сколько-нибудь гражданской совести и истинной любви к родине, они выступят в ее защиту, как это всегда делали настоящие сыны России.

Я хотел бы, чтобы это мое свидетельство о советских лагерях и тюрьмах для политзаключенных стало известно гуманистам и прогрессивным людям других стран —тем, кто выступает в защиту политзаключенных Греции и Португалии, Южно-Африканской Республики и Испании. Пусть они спросят у своих советских коллег по борьбе с антигуманизмом: «Что вы сделали для того, чтобы у вас, в вашей собственной стране, политзаключенных хотя бы не «воспитывали» голодом?»

Я сделал все, что мог, чтобы эта моя книга стала известной общественности. Однако до сих пор на нее нет никакого отклика (если не считать беседы со мной сотрудника КГБ о моей «антиобщественной деятельности»). Положение в лагерях остается прежним. Поэтому я вынужден теперь обратиться к определенным лицам — тем, чье общественное положение делает их в первую очередь ответственными за состояние нашего общества, за уровень его гуманности и законности.

Вы должны знать следующее.

В лагерях и тюрьмах нашей страны содержатся тысячи политзаключенных. Большинство их осуждено закрытыми судами, по-настоящему открытых судов практически не было вообще (кроме процессов над военными преступниками). Во всех случаях нарушался основной принцип судопроизводства — гласность. Таким образом, общество не контролировало и не контролирует ни соблюдения законности, ни масштабов политических репрессий.

Положение политических заключенных во всем приравнено к положению уголовных, а кое в чем и значительно хуже: для политзаключенных наименьшая мера — лагерь строгого режима, для уголовников существует общий режим и еще более слабый, уголовные могут быть освобождены после $^{2}/_{3}$ или $^{1}/_{2}$ срока, политические отбывают свой срок полностью, «от звонка до звонка».

Таким образом, политические заключенные во всем приравнены к наитягчайшим уголовным преступникам и рецидивистам. Юридического и правового разделения не существует.

Политзаключенные — люди, как правило, занимавшиеся до ареста общественно полезным трудом: инженеры, литераторы, художники, научные работники. В лагере к ним в качестве «меры перевоспитания» применяется принудительный труд. При этом лагерная администрация использует труд как наказание: слабых принуждает выполнять тяжелую физическую работу, людей интеллигентных профессий заставляет заниматься неквалифицированным физическим трудом. Невыполнение норм рассматривается как нарушение режима и является поводом для различных административных наказаний — от лишения свиданий до карцера или камерного режима.

Наисильнейшая мера воздействия на заключенных — голод. Общие нормы питания таковы, что человек испытывает постоянную недостачу питания, постоянное недоедание. Суточная калорийность лагерного пайка — 2400 калорий (норма для 7—11-летнего ребенка), и этим взрослый, работающий на физической работе мужчина должен довольствоваться изо дня в день на протяжении многих лет, иногда 15—25 лет! В основном эта калорийность покрывается за счет черного хлеба (700 г в день). Свежих овощей, сливочного масла и многих других необходимых продуктов заключенные вообще никогда не видят — их запрещено продавать даже в лагерном ларьке (как и сахар).

Сразу же отмечу: лагерное питание, как и лагерную одежду, заключенные оплачивают сами из начисляемого им заработка (50% которого сразу же отчисляется на содержание лагеря: бараков, оборудования, заборов, вышек и т. п.). В ларьке продукты (в том числе табак) можно купить только на 5 рублей в месяц — из заработанных и оставшихся после вычета денег. Но и этого права потратить 17 копеек в день заключенный может быть лишен «за нарушение режима». Например, заключенного историка Ренделя (10 лет за участие в нелегальном марксистском кружке) лишили ларька на два месяца за то, что он отнес ужин больным товарищам в барак; заключенного писателя Синявского — за то, что он переговаривался со своим другом писателем Даниэлем, когда тот сидел в лагерной тюрьме.

За так называемое нарушение лагерного режима, в том числе за невыполнение нормы, заключенного могут перевести на строгую норму питания — 1300 калорий (норма ребенка 1—3 лет). На такой штрафной паек были, например, переведены писатель Даниэль и инженер Ронкин (7 лет за нелегальную марксистскую деятельность) в конце лета 1967 г.

Продуктовые посылки от родных заключенным на строгом режиме «не положены», лишь в порядке поощрения за хорошее поведение (за раскаяние, за донос, за сотрудничество с администрацией) начальство может разрешить продуктовую посылку — и то не раньше чем через полсрока, и не чаще чем четыре раза в год, и не больше чем 5 кг!

Таким образом, в руках лагерной администрации имеется мощное средство физического воздействия на политзаключенных — целая систе-

ма эскалации голода. Последствия применения этой системы — истощение, авитаминоз.

Некоторые заключенные из-за постоянного недоедания доходят до того, что убивают и едят ворон, а если повезет, то собак. Осенью 1967 года один заключенный с 11 лаготделения Дубровлага в больничной зоне нашел возможность достать картошку, объелся и умер (картошка была сырая).

По сравнению с постоянным недоеданием другие «меры воздействия» кажутся более безобидными. Однако нельзя хотя бы не упомянуть о некоторых из них: лишениях свиданий с родными, стрижке наголо, запрещении носить свою одежду (в том числе теплое белье зимой), препятствиях в творчестве, в отправлении религиозных обрядов.

Жалобы и заявления заключенных в Прокуратуру, в Президиум Верховного Совета СССР, в ЦК КПСС многоступенчатым путем непременно возвращаются в лагерное управление: высшие органы пересылают их в МООП, в ГУМЗ, а оттуда по инстанциям они так или иначе попадают в руки тех, на кого жаловались,— «для проверки». Естественно, что результат жалоб один: лагерная администрация отвечает, что «факты не подтвердились», «наказание вынесено правильно», а положение жалобщиков становится невыносимым — иногда их даже переводят в тюрьму или на камерное содержание за очередное «нарушение режима». Поэтому недовольным заключенным офицеры-воспитатели нередко ехидно говорят: «А вы жалуйтесь на нас, жалуйтесь, пишите, это ваше право». А некоторые, попростодушнее, увещевают: «Ну зачем вы протестуете, сами же знаете, администрация всегда найдет повод вынести взыскание любому заключенному. Только себе хуже делаете, надо приспособиться...»

И действительно, «Положение о лагерях и тюрьмах», утвержденное в 1961 г., дает лагерной администрации практически неограниченные возможности применять меры физического и морального воздействия.

Запрещение продуктовых посылок, лишение ларька, голодная норма питания, лишение свиданий, карцер, наручники, камерное содержание — все это узаконено Положением и применяется по отношению к политзаключенным. Лагерной администрации эти меры тем более по душе, что среди «воспитателей» немало работников сталинских концлагерей, привыкших к неограниченному произволу (впрочем, тоже соответствовавшему принятым тогда инструкциям).

Бесправное положение заключенных приводит к страшным и губительным формам протеста: к голодовкам, членовредительству, самоубийствам — заключенный среди бела дня идет на запретку, на проволоку, и там его пристреливает часовой «за попытку к бегству».

Я не знаю, существуют ли сейчас, в 60-е годы, еще где-нибудь в мире, кроме нашей страны, такой статус для политзаключенных: узаконенное бесправие плюс узаконенный голод плюс узаконенный принудительный труд. Я уверен в одном: эти условия возможны у нас лишь потому, что никто о них не знает, кроме их организаторов и исполнителей. Если бы о них знала общественность — как могли бы вы протестовать против положения политзаключенных в других странах? Пока же только наши политзаключенные, читая эти протесты в газетах, могут оценить чудовищную двусмысленность ситуации, крайнюю противоречивость между пропагандой «на вынос» и практикой у себя дома.

Некоторые из вас несут прямую ответственность за существующее положение; ответственность других определяется их гражданской позицией. Но я обращаюсь к вам, как к своим согражданам: все мы равно ответственны перед своей родиной, перед ее молодежью, перед ее будущим. Довольно и того, что поколение 30—40-х годов позволило совершать преступления именем народа; нельзя, недопустимо проявить снова такое же преступное равнодушие, сделавшее тогда весь народ соучастником кровавых преступлений.

Я призываю вас:

Требуйте гласного расследования положения заключенных.

Требуйте широкого опубликования «Положения о лагерях и тюрьмах»; добивайтесь установления специальных правил по содержанию политзаключенных.

Требуйте опубликования норм питания заключенных.

Требуйте немедленного отстранения от «воспитательной» работы кадров сталинских концлагерей и лиц, которые в настоящее время проявили жестокость и бесчеловечность в отношении заключенных. Требуйте гласного суда над ними.

Наш гражданский долг, долг нашей человеческой совести — остановить преступления против человечности. Ведь преступление начинается не с дымящих труб крематориев и не с пароходов на Магадан, переполненных заключенными. Преступление начинается с гражданского равнодушия.

2 апреля 1968 г. *А. Марченко*
г. Александров Владимирской обл.,
ул. Новинская, 27

Ответ на это письмо был получен только из одной организации — Исполнительного комитета Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца:

29 апреля 1968 г.

Гр-ну Марченко А.

Письмо, присланное в исполком СОКК и КП СССР от Вашего имени, к сожалению, никем не подписано (фамилия, адрес, как и текст, были отпечатаны на машинке.— **Л. Б.**), что исключает возможность и необходимость входить в рассмотрение его по существу.

Все же исполком считает необходимым кратко отметить, что наше законодательство и наше советское правосознание рассматривают людей, которые подняли руку на завоевания Октября, как совершивших самое тяжкое преступление перед своим народом и заслуживающих самой суровой кары, а не каких-либо поблажек и послаблений.

В свете сказанного делается очевидной вся несостоятельность и всех других Ваших утверждений.

Зам. председателя исполкома СОКК и КП СССР
В. ЗАХАРОВ

АКАДЕМИКУ КАПИЦЕ П. Л.

Уважаемый Петр Леонидович!

Обратиться к Вам с этим письмом заставили меня последние акции советских властей против академика Андрея Дмитриевича Сахарова.

Это преступление свершается открыто перед всем миром, и мир негодует. Только в нашем отечестве, которое должно было бы больше всех и раньше всех испытать чувство позора за содеянное, не слышно возмущения и протеста. Я не сомневаюсь в том, что ни один человек, кто хоть как-то знаком с Андреем Дмитриевичем, не верит всему тому, что о нем распускают средства массовой информации. Так почему же

все молчат?! Неужели все объясняется обыкновенной человеческой трусостью? Неужели мы действительно достойны своего правительства?

Конечно, я понимаю, что Вы — не указ этому правительству. Но я убежден также и в том, что активный протест такого известного и авторитетного ученого, как Вы, может оказать положительное влияние в «деле Сахарова».

Ваше личное знакомство с Андреем Дмитриевичем освобождает меня от необходимости говорить в этом письме о роли и значении его для нашего оживающего общества, а также о его безупречных нравственных качествах как человека и гражданина. Но хоть я и не любитель громких слов, заранее признаюсь, что, когда речь будет идти об Андрее Дмитриевиче, мне не удержаться и от них. Пожалуйста, Петр Леонидович, не относите это к стилю письма автора, а полностью к степени его уважения к Андрею Дмитриевичу. Даже Герцен говорит о таких людях высоким слогом: «Появление людей, протестующих против общественной неволи и неволи совести,— не новость; они являлись обличителями и пророками во всех сколько-нибудь назревших цивилизациях, особенно когда они старели. Это высший предел, перехватывающая личность, явление исключительное и редкое, как гений, как красота, как необыкновенный голос».

Я считаю, что Андрей Дмитриевич Сахаров — явление великое и вышедшее за национальные рамки. Он перерос то предназначение, которое уготовано каждому человеку на земле. Мне кажется, что его уже нельзя ни охаять, ни похвалить. Каким бы ни оказался жизненный финал Андрея Дмитриевича, его уже никто не в состоянии вычеркнуть из истории, куда он вошел как великий сын своего народа. Это мое мнение об Андрее Дмитриевиче, это понимание его не давало мне откликнуться сразу на происшедшее с ним в последнее время. У меня такое ощущение, что вступиться за него (как и выступить в поддержку «справедливого» решения правительства) — значит примазаться к великому человеку и быть причастным к истории.

Но почему молчите Вы — достойный и уважаемый ученый с мировым именем? Пусть даже Вас не оскорбляет вонючая клевета о самом Андрее Дмитриевиче, но неужели не оскорбительна Вам, Нобелевскому лауреату, интерпретация Нобелевской премии как подачки за антисоветскую деятельность?

Для человека, следящего за делом А. Д. Сахарова, естественен и такой вопрос: «Почему за советского академика вступаются виднейшие ученые Запада и в то же время ни единого протеста из среды советских академиков? Неужели вся западная ученая мысль состоит на службе у ЦРУ? Или она состоит из недоумков, не способных подняться хотя бы до уровня интеллекта «студентов МВТУ имени Баумана»?»

Не нужно быть историком, чтобы уяснить, что Советское государство никогда не смотрело на своих подданных как на полноценные разумные существа. Это относится в равной степени к дворнику и к ученому с мировым именем. Это государство всесильно и может себе позволить все по отношению к подданным. И нет ничего беспрецедентного или необычно-неожиданного в действиях властей против А. Д. Сахарова. Разве что на этот раз жертвой стал Нобелевский лауреат. Но это как раз и подтверждает сказанное мной выше, т. е. что и Нобелевских лауреатов можно «перевоспитывать» или «ликвидировать».

Некоторое знакомство с Вашей биографией и научной судьбой избавляет меня от необходимости подробно остановиться здесь на вопросе

нашего еще недавнего жуткого прошлого. Но коротко и кое о чем я все же скажу.

Почему многие из тех, чьи имена сегодня составляют гордость нашей науки, техники и культуры, были уничтожены тем самым государством, которому служили? Виновно не только само это государство насилия, но и его подданные, его жертвы. Каждый дрожал только за собственную шкуру. Лишь единицам хватало отваги вступиться за обреченных.

Позорно повторяться в том же духе.

И тем более непонятно мне: в те, повторяю, жуткие времена Вы спасли от лагеря и возможной смерти физика Ландау. Тогда вряд ли Вы были уверены в благополучном результате и для Ландау, и для себя самого. Но это Вас не остановило тогда. И рисковали Вы не чем-нибудь, а головой. И не только своей собственной, но и головами и судьбами близких. Положения хуже не придумаешь.

А сегодня... Я знаю людей, кто достойно прошел через Колыму, Воркуту и прочие подобные места в 30, 40, 50-х годах, но не сумел сохранить это достоинство на воле в уже почти либеральное наше время.

Из известных имен достаточно вспомнить В. Шаламова: не только достойно жил — и, к счастью, выжил — на Колыме, но и создал нерукотворный памятник ее жертвам — «Колымские рассказы». А в 70-е годы отрекся от них: «Проблематика «Колымских рассказов» снята жизнью!» Предал себя, предал дело своей жизни, предал сотни, нет — тысячи мучеников... Чего ради? Не могу понять. Говорят, что поманили публикацией сборника его стихов.

Геолог Братцев в 30-е годы осваивал Воркуту в качестве вольнонаемного, но все его сотрудники были заключенными. Тогда он вел себя абсолютно порядочно, а по тем временам — отважно: передавал на волю письма, привозил коллегам-заключенным продукты. Зато теперь (несколько лет назад) на каких-то юбилейных торжествах, передававшихся по телевидению, произнес речь о том, как энтузиасты-комсомольцы покоряли воркутинскую тундру. Ведь мог не выступить, ничем не рисковал! Но тогда юбилей Воркуты (одно словосочетание чего стоит!) праздновался бы без Братцева — как можно!

Простите, Петр Леонидович, но мне придется сейчас поставить Ваше имя в ряд с Шаламовым и Братцевым, более того — с Блохиным.

Недавно по телевидению показывали фильм о Вас. Хороший фильм, благородный, культурный, Вы произносите в нем немало мудрых и остроумных фраз. И даже есть в нем намек — правда, понятный лишь осведомленному человеку — на тяжелый период в Вашей жизни, впрочем, слава Богу, миновавший без следа (так трактует фильм). Казалось бы, радоваться надо, что телевидение прославляет и популяризирует такого человека, как Вы, а не Овчинникова или Федорова. Но мне было стыдно за Вас.

Фильм, посвященный Нобелевскому лауреату П. Л. Капице, демонстрировался как раз в те дни, когда Нобелевского лауреата А. Д. Сахарова схватили, вышвырнули из дому, из Москвы, из института. Снимали-то Вас, я понимаю, не в это время; но ведь о передаче сообщили же?

Вы-то понимаете, Петр Леонидович, что это одна банда орудует: одни пытаются заткнуть кляпом рот А. Д. Сахарову, другие в это время украшают фасад наилучше выполненным портретом П. Л. Капицы. И тогда третий академик, Блохин, с апломбом заявляет: «Всему миру известно, что Советское государство не только провозглашает, но и

обеспечивает самый полный и реальный комплекс прав гражданина социалистического общества». Не верите? Посмотрите, в каком почете Петр Леонидович!

Я не знаю Ваших взаимоотношений с А. Д. Сахаровым. Знаю, что Вы в свое время отказались участвовать в создании термоядерного оружия, а А. Д. Сахаров стал если и не «отцом советской водородной бомбы», то одним из ее ведущих создателей. Вы за свой принцип тогда сильно пострадали, а А. Д. Сахаров сделал блестящую карьеру ученого. В этой оппозиции я на Вашей стороне, хотя, возможно, мотивы у меня не совпадают с Вашими. А. Д. Сахаров тогда не только не заступился за Вас, но поди и не заметил Вашего насильственного выпадения из науки.

Можно считать, что теперь Вы с А. Д. Сахаровым квиты.

Но подумайте, Петр Леонидович, ведь у Андрея Дмитриевича тогда впереди было еще много времени для того, чтобы стать сегодняшним Сахаровым. Вам же, к сожалению, времени на это уже не отпущено. Как раз пора подумать о душе.

Если бы сегодня власти обошлись с Вами несправедливо, неужели А. Д. Сахаров остался бы в стороне? Убежден, что Вы сами не сомневаетесь в ответе на этот вопрос.

Конечно, Вы можете себя успокоить — мол, в отличие от других академиков «я не подписал ничего против А. Д. Сахарова и не подпишу». Действительно, многие академики в деле Сахарова показали себя мерзавцами. Но не с ними же Вам равняться, Петр Леонидович,— с хорошего человека и спрос больше. Пусть другие равняются по таким, как Вы. Ну, так дайте же достойный подражания пример своим сотрудникам, начинающим ученым, студентам.

Вы посмотрите, что они пишут, «студенты МВТУ им. Баумана»: «Мы... просим еще раз показать, как лжет Запад, защищая клеветника и отщепенца». «Еще раз»! Им мало! «Говори, дорогой, говори» — только наоборот.

Ну, с этими-то все ясно, эти нашли себе образцы в Академии помимо Вас. Но судьба других молодых людей, в том числе и Ваших учеников, зависит от Вашей сегодняшней позиции. Ситуация толкает молодежь к экстремизму, мне уже приходится слышать от молодых людей, что у нас в стране ничего другого не остается, как только бомбы кидать: насилию и жестокости властей можно противопоставить только то же самое. Расправа с А. Д. Сахаровым и другими нравственными оппозиционерами режиму при невмешательстве таких уважаемых людей, как Вы, в конце концов приведет к терроризму, и тогда все повторится сначала. И новый Кибальчич сделает выбор между наукой и пиротехникой в пользу последней.

Я совершенно убежден, что Ваше, Петр Леонидович, активное вмешательство в «дело Сахарова» реально могло бы изменить ситуацию в этом деле, повлиять в лучшую сторону на судьбу Андрея Дмитриевича и вместе с тем на судьбы общественного развития России.

Какова может быть форма активного вмешательства — не мне решать. Я не академик, не ученый, не лауреат. «Уголовник-рецидивист» — так аттестовало меня АПН (и не поспоришь: пять судимостей, шестая уже обещана). Это звание я не потеряю ни при каких обстоятельствах, что бы ни написал, как бы ни выступил. Единственное, что я сейчас имею, это — «свобода, бля, свобода, бля, свобода», которую рискую сменять «на нары, бля» и т. д. Мой выбор — другим не указ.

Однако же было время — российские академики выходили из Академии, профессора покидали университет. Но то была другая Академия,

другая интеллигенция. Неужели советская Академия прославится в истории только активным или пассивным соучастием в уничтожении лучших сыновей своего народа?

Соучаствовали, когда в саратовской тюрьме умирал от голода ученый, отдавший весь свой талант борьбе с голодом на Земле,— академик Н. И. Вавилов.

Соучаствовали, когда был вытолкнут из науки, выброшен из созданного им института академик П. Л. Капица.

Соучаствуют, когда подлая мразь затыкает рот (и заламывает руки) академику А. Д. Сахарову, голосом которого заговорила было онемевшая Россия.

Ну, так не прав ли мудрейший из мудрых Владимир Ильич: «Интеллигенция — это не мозг нации, а г...»!

К счастью, не прав: наша интеллигенция имела Прянишникова и Капицу, имеет Сахарова, Орлова, Ковалева. А может быть, и Капицу не пора числить в прошедшем времени, Петр Леонидович? Золото, как говорится, и в г... блестит.

Зная Вашу занятость, я не претендую на ответ, да и письмо не личное.

1 марта 1980 г.

С уважением А. Т. Марченко

Письмо это адресатом было получено, и хотя неизвестно, послужило ли оно толчком, но спустя полгода, 1 ноября, П. Л. Капица обратился с письмом к члену Политбюро ЦК КПСС, председателю Комитета государственной безопасности СССР Ю. В. Андропову, в котором убедительно, страстно выступил в защиту А. Д. Сахарова и Ю. Ф. Орлова (см.: Советская культура. 1988. 21 мая. С. 6).

Несколько слов о людях, чьи имена встречаются в письмах А. Т. Марченко, но которые, возможно, незнакомы широкому кругу читателей.

Леонид Абрамович Рендель (1927—1989) — историк, в 50-е годы член московской подпольной марксистской группы «Союз патриотов России». В 1957 г. был арестован и осужден по ст. 58[11] на 10 лет лагерей строгого режима. Срок отбывал в Дубровлаге (Мордовия). Освобожден в 1967 г. без права прописки в Москве. Жил в Конакове Калининской области. Работал лифтером, грузчиком и т. п.

Валерий Ефимович Ронкин (1936) — инженер-химик, в 60-е годы член подпольной марксистской группы «Союз коммунаров». Был арестован в 1965 г. и осужден по ст. 70 УК РСФСР на 7 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки. Срок отбывал в Дубровлаге и во Владимирской тюрьме, ссылку — в Коми АССР. Освободился в 1977-м без права прописки в Ленинграде. Сейчас живет в Луге (Ленинградская обл.), работает мастером на заводе.

Юрий Федорович Орлов (1924) — физик, член-корр. АН Арм. ССР. Организатор Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений (1976). Был арестован в 1977 г., осужден по 70 ст. УК РСФСР на 7 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки. Срок отбывал в пермских лагерях, ссылку — в Якутии. В ноябре 1986 г. выслан из СССР. Живет и работает в США.

Сергей Адамович Ковалев (1930) — биолог, член инициативной группы по правам человека (1970). Арестован в 1975 г., осужден по ст. 70 УК РСФСР на 7 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки. Освободился в 1985 г. В настоящее время живет в Москве, работы по специальности не имеет.

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ ЛАРИСЫ БОГОРАЗ

Борис Чичибабин

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

А. И. Солженицыну

Изрезан росписью морщин,
со лжою спорит Солженицын.
Идет свистеж по заграницам,
а мы обугленно молчим

и думаем: «На то и гений,
чтоб быть орудием добра —
и слава пастырю пера,
не убоявшуся гонений!..»

В ночи слова теряют вес,
но чин писателя в России
за полстолетия впервые
он возвеличил до небес.

Чего еще ему бояться,
чьи книги в сейфах заперты,
кто стал опорой доброты
и ратником яснополянца,

кто сроки жизни сократив,
раздавши душу без отдарства,
один за всех — на государство,
казенной воле супротив?

Упырствуют? А ты упорствуй
с ошметком вольности в горсти
и дружбой правнуков сласти
свой хлеб, пророческий и черствый.

Лишь об одном тебя молю
в пылу, боюсь, что запоздалом,
не поддавайся русохвалам,
на лесть гораздым во хмелю.

Не унимайся, сын землицын,
во лбы волнение вложи!
В Кремле артачутся вожди.
Творит в Рязани Солженицын.

И то беда, а не просчет,
что в скором времени навряд ли
слова, что временем набрякли,
Иван Денисович прочтет.

1969

* * *

Я плачу о душе, и стыдно мне, и голо,
и свет во мне скорбит о поздней той поре,
как за моим столом сидел, смеясь, Мыкола
и тихо говорил о попранном добре.

Он — чистое дитя, и вы его не троньте,
перед его костром мы все дерьмо и прах.
Он наши жизни спас и кровь пролил на фронте,
он нашу честь спасет в собачьих лагерях.

На сердце у него ни пролежней, ни пятен,
а нам считать рубли да буркать взаперти.
Да будет проклят мир, где мы долгов не платим.
Остановите век — и дайте мне сойти.

Не дьявол и не рок, а все мы виноваты,
что в семени у нас — когда б хоть гордый! — чад.
И перед чванством лжи молчат лауреаты —
и физики молчат, и лирики молчат.

Чего бояться им — увенчанным и сытым?
А вот поди ж молчат, как суслики в норе,—
а в памяти моей, смеющийся, сидит он
и с болью говорит о попранном добре...

Нам только б жизнь прожить, нам только б скорость выжать,
нам только б сон заспать об ангельском крыле,—
и некому узнать, и некому услышать
мальчишку, что кричит о голом короле.

И Бога пережил — без веры и без таин,
без кроны и корней — предавший дар и род,
по имени — Иван, по кличке — Ванька-Каин,
великий — и святой — и праведный народ.

Я рад бы все принять и жить в ладу со всеми,
да с ложью круговой душе не по пути.
О, кто там у руля, остановите время,
остановите мир и дайте мне сойти.

1975

Сожаление

Я грех свячу тоской.
Мне жалко негодяев —
как Алексей Толстой
и Валентин Катаев.

Мне жаль их пышных дней
и суетной удачи:
их сущность тем бедней,
чем видимость богаче.

Их сок ушел в песок,
чтоб, к веку приспособясь,
за лакомый кусок
отдать талант и совесть.

Их светом стала тьма,
их ладом стала замять,
но им палач — сама
тревожливая память.

Кто знает, сколько раз,
возвышенность утратив,
в них юность отреклась
от воздуха и братьев.

Как страшно быть шутом
на всенародных сценах —
и вызывать потом
безвинно убиенных.

(В них роскошь языка —
натаска водолея —
судила свысока
Платонова Андрея.

О нем, чей путь тернист,
за чаркою растаяв,
«Какой же он стилист?» —
обмолвился Катаев.)

Мне жаль их все равно.
Вся мера их таланта —
известная давно
словесная баланда.

Им жарко от наград,
но вид у них отёчен,
и щеки их горят
от призрачных пощечин.

Безжизненные пни,
разляписто-убоги,
воистину они —
знамение эпохи...

Я слезы лью о двух,
но всем им нет предела,
чей разложился дух
скорей, чем плоть истлела

и умерло лицо,
себя не узнавая,
под трупною ленцой
льстеца и краснобая.

1985

В следующем номере «Горизонта»
в этой рубрике будут опубликованы
фрагменты книги Галины Вишневской «Галина. История жизни».

Владислав Старчевский

ЭКОЛОГИЯ С ПРИСТАВКОЙ «ГЕО»

Некоторые проблемы, о которых ведется речь в этой статье, уже не раз поднимались «Горизонтом». Так, об утилизации отходов в столице на наших страницах говорил журналист Олег Михеев в двух публикациях: «ТБО: сжигать или перерабатывать?» (Собеседник. 1988. № 3) и «Можно ли врага сделать союзником?» (Горизонт. 1988. № 7); о ситуации с подземными водами — В. Дубин в статье «Сюрпризы» московской земли» (Горизонт. 1988. № 8). Однако эти проблемы, как и связанные с ними и ими порожденные, негативно влияющие на экологическую обстановку в Москве и Подмосковье, стоят по-прежнему остро, и пристальное внимание к ним необходимо.

За последние годы мы как-то особенно остро стали ощущать, что действительно живем среди окружающей среды. Начали интересоваться — чем дышим и почему именно этим, а не чистым воздухом! Отчего вода вдруг меняет свой вкус! Нам хочется знать, какой в столице радиационный фон, и если он безвреден, как солнечные лучи, то почему в газетах количество микрорентген не сообщают с той же обязательностью, что и температуру воздуха! А уж про нитраты нам известно столько, что один взгляд на огурцы или картофель повергает нас в трепет.

Даже жилье многие москвичи стараются выбирать (если выбор есть) не столько поближе к месту работы, сколько подальше от какого-нибудь завода с тонким химическим ароматом.

Такая вот экология, данная нам в ощущениях. И мы принюхиваемся, пробуем на вкус, пытаемся не делать слишком глубоких вздохов.

Но, оказывается, надо еще смотреть себе под ноги. Даже глубже — порой на десятки, а то и сотни метров, потому что там тоже окружающая среда, а техногенное воздействие на нее в результате человеческой деятельности сложно и многообразно. То, что мы творим на поверхности земли, может привести к большим и малым изменениям в литосфере, а они уже аукнутся, например, в атмосфере. Это мне подробно объяснили во Всесоюзном научно-исследовательском институте геоинформсистем, где развивается молодая наука — геоэкология.

— Геологи,— говорит директор института профессор О. Л. Кузнецов,— одними из первых всерьез занялись техногенным воздействием на геологическую среду. Во-первых, конечно, потому, что сам характер нашей деятельности связан с таким воздействием. Во-вторых, следом за нами идут разработчики полезных ископаемых. Лет 8—10 назад в Москве ясно обозначились проблемы, где нужна была наша помощь. На-

пример, интенсивное образование карстовых пустот под некоторыми зданиями и автомагистралями (были даже случаи, когда обрушивались здания, под землю проваливались деревья и автомобили). Или проблемы вибрации: вибрационные поля, особенно вблизи линий метро мелкого заложения, железнодорожных путей, могут вызывать подвижку грунта, оползни, приводить к образованию трещин в зданиях.

Геофизикам приходится также заниматься и вопросами воздействия радиации и электромагнитных полей на человека. Когда выяснилось, к примеру, что некоторые горные породы, которые используются в производстве строительных материалов, имеют повышенную радиоактивность, мы решили определить, на каких именно карьерах добываются такие пески и глины, чтобы прекратить их ввоз в Москву. (Замечу, впрочем, что речь идет о чисто природных факторах, не связанных с деятельностью человека.) Установили также, что в ряде случаев повышение радиационного фона — следствие сжигания в ТЭЦ «неблагополучных» сортов угля, что дополнительная радиоактивность порой объясняется бесконтрольным, чрезмерным использованием фосфатных удобрений.

Конечно, эти проблемы знакомы не только в Москве или Московской области. И хотя столичным регионом наш институт занимается особо, главная наша задача сейчас — сбор и систематизация научных данных о земле в масштабе всей страны. ВНИИгеоинформсистем — головной институт в межотраслевом научно-техническом комплексе «Геос», который отвечает за создание Государственной геосистемы СССР.

...Но какая все-таки связь с тем, что творится в недрах, и, скажем, состоянием атмосферы? Природа едина, и, как поется в песне (правда, по другому поводу), «ничто на земле не проходит бесследно». Допустим, проложили линию метро рядом с карстовоопасными пустотами. Побежали по рельсам поезда, создавая новое поле вибрации, и пошли эти пустоты в рост. Карстовые породы покрылись трещинами, по которым потекли грунтовые воды, еще больше размывая их. Вдоль трещин стали возникать новые, порой необычные минеральные образования, начал меняться химизм верхнего слоя земли, вслед за ним — состав газов в атмосфере. А это уже может влиять на живые организмы, проще говоря, на нас с вами. Вот какая цепочка, если изложить ее без научных тонкостей.

Более того, решать подобные задачи, ограничиваясь одним каким-то регионом, тоже нельзя. Нельзя наводить экологический порядок в Москве и области, махнув рукой на ситуацию во всей средней России. Однако в данном случае меня интересовала именно столица, тем более что ВНИИгеоинформсистем участвует в создании единой геоэкологической системы Москвы — наряду с организациями еще десятка ведомств, включая АН СССР, Госкомприроду СССР и т. д. «В этой работе,— сказал О. Л. Кузнецов,— каждый «несет свой чемодан». В нашем, образно говоря,— геологическая среда Москвы».

Заглянуть в этот «чемодан» помог директор Раменского филиала института (где занимаются именно проблемами Москвы и области) кандидат физико-математических наук О. В. Горбатюк:

— На что обычно жалуются москвичи? На дымящие трубы, подозрительный запах питьевой воды, на шум и так далее. То есть на то, что бросается в глаза. Но многого они просто не знают и не видят. Например, такую крайне острую для столицы проблему, как строительство на местах бывших свалок.

Вспомните, как стремительно расширяла границы Москва, захватывая окраины. А ведь именно там располагались городские свалки. Потом они были захоронены, перекрыты различными отложениями. Сейчас, правда, город уже вышел за пределы окружной дороги, к столице прирезаны куски ближнего Подмосковья, однако и эти участки выбирались без учета экологических требований. Ну, а в самой Москве найти свободный участок для строительства все труднее — это, как правило, всякие неудобья, овраги, карьеры, которые тоже использовались как свалки. Причем нередко — стихийные, нигде не учтенные. А свалки — это источники биогаза, образующегося в результате биохимических процессов. Основной компонент в них — метан, горючий газ...

Что это такое, объяснять мне было не надо: я вспомнил школьный курс химии, где говорилось, что 5% метана в смеси с атмосферным воздухом достаточно, чтобы произошел взрыв. А в отложениях бывших свалок, сказал О. В. Горбатюк, находится до 30—60% метана. Представьте, какая гремучая смесь может образоваться в подвале дома, построенного на такой свалке!

Вот почему сотрудники института провели паспортизацию захоронений отходов в городе. Установили их общую площадь — около 1200 гектаров. Но цифра вряд ли точна, поскольку великое множество разнокалиберных свалок возникало и исчезало без всяких санкций городских или районных властей. Да кто из нас, пользуясь стихийными «мусоросборниками», думает о каком-то там метане? Вот не так давно отвели в районе Троице-Лыково участок под строительство больничного комплекса. Замечательное место, зелени много, воздух хороший. Проектировщики взяли топографическую карту и принялись за работу, полагаясь на данные топосьемки. А одновременно сделали заказ на геологические изыскания. Но такие изыскания — не одного дня дело. Лишь через полгода Мосгоргеотрест прислал архитекторам ответ: половина участка, отведенного под больницу, занята карьером, две трети которого заполнены горючим мусором. Пришлось в итоге переносить строительство в другое место, потому что вывезти весь мусор из са-

мостийной свалки — удовольствие дорогое: 3—5 рублей за один кубометр, а тут этих кубометров было едва ли не 100 000!

1200 гектаров захороненных свалок в масштабах столицы, возможно, звучат не очень громко. Но если учесть ограниченные площади, на которых еще можно строить, то выйдет существенный процент. Например, один из самых растущих районов Москвы — Марьино — возводится на бывших полях Люблинской станции аэрации, на примерно 12 миллионах кубометров насыщенного органикой ила, который образовался в результате переработки сточных вод. Здесь и ртуть можно обнаружить, и тяжелые металлы, и прочие неприятные вещи, не говоря уж о биогазохимических особенностях этого «грунта».

В свое время московские власти обратились за советом во ВНИИгеоинформсистем и в АН СССР. Ученые дали заключение: лучше всего отказаться от строительства на марьинских площадях, а если уж строить, то с проведением серьезных мероприятий, обеспечивающих безопасность. Сначала к этим рекомендациям не прислушались, а теперь сотрудникам филиала, руководимого О. В. Горбатюком, приходится сидеть в Марьине, что называется, безвылазно и вести геологическое сопровождение всех стадий работ, от оценки качества инженерной подготовки до контроля за эксплуатацией зданий. А само строительство из-за сложных инженерных мероприятий резко вздорожало: только подготовка площадки оценивается примерно в 200 миллионов рублей.

Впрочем, считают в институте, надо смириться с мыслью, что сегодня строить в Москве можно, только вкладывая значительные средства в инженерную подготовку. Нет уже в столице площадок, где позволительно экономить на этих работах. А уходить далеко за кольцевую дорогу — значит тащить туда все коммуникации, прокладывать транспортные пути. Наконец, надо платить агропрому за отторгаемую землю. Так что дешевле не выйдет.

Исследуя места бывших захоронений отходов, геологи особое внимание уделяли возможным источникам радиоактивности. Ведь лет 30 назад не было особого контроля за использованием, хранением и утилизацией радиоактивных веществ. Хаос царил, вызванный безграмотностью и легкомыслием. Сейчас опасные источники выявлены и обезврежены, но так как, повторим, остались еще неизвестные погребения отходов, нужна осторожность при строительных работах: бывали случаи, когда под толщей более поздних наслоений обнаруживали опасные следы былой безалаберности. Сегодня проблема утилизации отходов в столице обостряется буквально с каждым днем: не хватает площадей, ведь оборудованный полигон для захоронения твердых бытовых отходов (а на каждого москвича их в год приходится примерно 800 кг) должен иметь 500-метровую санитарную зону. Необорудованный — полуторакилометровую. Специалисты спорят, что лучше — строить мусоросжигательные заводы или искать места для создания новых свалок! Где! В области, считают одни. Но ей-то зачем столичный мусор! Область, между прочим, пьет подземную воду, каждый новый полигон отходов чреват снижением качества этой воды.

Ну, а мусоросжигательные заводы — чем не выход! Вон, например, Дания или Франция сжигают большую часть отходов, и ничего. Вроде бы так. Но, с другой стороны, США отказались от такого пути. Нью-Йорк, скажем, закрыл все свои заводы этого профиля... В Москве их пока два, а есть идея (по мнению Горбатюка, самоубийственная при существующей технологии) расположить новые мусоросжигательные предприятия по периметру вокруг столицы. Да, в принципе эти заводы — природоохранные объекты, однако лишь при условии предварительной сортировки отходов, строжайшего соблюдения технологии (причем новейшей) и прочих вещей. А тут нам хвастаться нечем. Кроме того, в странах, где умеют считать всё, даже отходы, поняли, что свалки могут быть источниками дешевой, буквально бросовой, энергии, получаемой из биогаза. И уже строят станции, вырабатывающие такую энергию. Иными словами, нужны не просто полигоны, а промышленные, оборудованные для получения биогаза из отходов.

Однако вернемся к проблемам, о которых упоминали мои собеседники. Например, к «зловещим» карстовым пустотам под столицей. Почему это стояла себе Москва, не проваливалась никуда, даже не беспокоилась на сей счет, и вдруг геологи забили тревогу!

— Не так уж вдруг,— ответил О. В. Горбатюк.— Образно говоря, история эта уходит корнями в послеюрский период, когда Москва-река размыла мощные пачки глин, разрушила известняки. Потом все это оказалось перекрытым более поздними отложениями — сформировался московский артезианский бассейн. Все, что могло обрушиться, обрушилось, наступило природное равновесие. А спустя много веков люди принялись качать воду для своих нужд. Небольшой водозабор не нарушал равновесия, но современный, с его промышленными и бытовыми аппетитами, возродил геологические процессы: изменился напор подземных вод, упал уровень водных пластов. Пустоты стали расширяться, возникла опасность обрушений грунта.

Лучше всего, конечно, отключить все водозаборы и оставить подземные воды в покое. Но это, увы, невозможно. Посему наша задача — оптимизировать эту деятельность, контролировать ситуацию. В какой-то части мы проблему карстовых пустот решили. Министерством геологии СССР составлены инженерно-геологические карты, где выделены все опасные районы. Совместно с Главмосархитектурой подготовлены рекомендации для проектировщиков — как вести работы в таких зонах. Но карстовые площадки велики, и надо еще уточнить, где опасность больше, что требуется сделать, чтобы избежать возможных обрушений.

— А можно ли «залечить» пустоты?

— Такое «лечение», как правило, очень дорого. Если речь идет о каком-то крупном объекте, особо важном, то расходы еще оправданы. Как, допустим, в случае с Ровенской АЭС, под которой были обнаружены карстовые пустоты, и пришлось принять экстренные меры, чтобы обезопасить станцию. Но для небольших объектов расходы непомерно велики. Поэтому пока лишь удается держать под контролем ситуацию в опасных районах.

— Каких именно?

— В Москве это район Хорошевского шоссе, где около 400 давно построенных зданий (жилые дома, школы и т. д.) находятся в тревожной зоне, периодически «трещат». Люди об этом знают, как и то, что ситуация контролируется. Кстати, методы контроля — уникальны. И довольно сложны. Но мы обязаны знать, что происходит под зданиями: если там пойдет активный карстовый процесс, то надо будет выселять людей...

Много хлопот, напомним, доставляет геоэкологам и вибрация. Странно, но у нас в стране нет даже национальных норм на нее. В Японии есть, во Франции есть, в США, да и в большинстве других развитых государств — тоже. А мы все еще пользуемся так называемыми оценочными международными нормами. Хотя у нас довольно быстро растут транспортные потоки, строятся новые линии метро, бегают по улицам трамваи и присутствует множество иных причин, порождающих вибрационные поля.

Вибрация впрямую воздействует не только на наше здоровье, но и ускоряет неприятные процессы в земных глубинах. Она стала одной из главных причин разрушения исторических памятников, ибо зодчие прошлого не рассчитывали, что их творения попадут в созданное человеком вибрационное поле. Но зодчим сегодняшним приходится это учитывать, и тут им без геоэкологов не обойтись.

Правда, порой призывают геологов на помощь тогда, когда уже гром грянул. Один такой пример. Есть возле станции метро «Пролетарская» магазин «Все для дома». Работал он себе и работал, пока вдруг часть его не начала оседать. Вызвали «скорую помощь» из ВНИИгеоинформсистем, закрыли отдел, попавший в опасную зону.

Что же установили геологи? А то, что причиной всему — вибрация, которая возникает при торможении метропоезда на подходе к станции.

Вообще, сотрудникам института, особенно его Раменского филиала, часто приходится выезжать на разные ЧП. С прошлого года тут даже завели передвижную лабораторию на базе автомобиля «Ныса» с прицепом-дачей. В даче — различное оборудование: виброметрический комплекс, приборы для изучения газового состава грунта, воды, атмосферы и прочее. Многое разработали сами, кое-что раздобыли (с большими, как водится, трудами) из импорта. Лаборатория такая пока одна, а, по-хорошему, их надо столице не один десяток: и для санэпидемслужбы, и для городского комитета по охране природы — всем организациям, отвечающим за экологическую ситуацию в Москве.

Такие лаборатории надо сделать одним из основных звеньев в получении достоверной экологической информации. Без нее, без этой информации, никакого порядка мы не наведем, хотя и занимается природоохранной работой в столице вроде бы великое количество институтов и организаций. Но и информация — не самоцель. Мало знать, где болит, важно решить, как лечить. Поэтому главной задачей ВНИИгеоинформсистем остается оценка интегрированного воздействия на экологическую среду. Сотрудники Раменского филиала, например, работают над математической моделью, охватывающей состояние земли, воды и атмосферы Москвы и Московской области, с учетом всех природных факторов, распределения жилых и промышленных зон, источников вредных выбросов и т. д. Причем обобщенные данные, по замыслу, должны быть открыты всем — своего рода доступный экологический советчик.

— Столице нужна вневедомственная экологическая служба,— говорил О. В. Горбатюк.— Только тогда можно ожидать настоящего эффекта от нашей работы, да и вообще от природоохранных мероприятий. Это возможно лишь при условии, что будет создан действенный экономический механизм платы за природопользование, серьезных штрафов за губительское отношение к природе, за действия, наносящие ей ущерб. И этими средствами должны распоряжаться местные Советы. А сейчас? Мы в своей работе целиком зависим от того, что за человек возглавляет тот или иной исполком: болеет он душой за свой район — моментально находим с ним общий язык, а чиновник сидит — никакого контакта не получается. Трудно работать.

Ах, если бы только в исполкомах встречались такие люди! Недомыслие, идущее от экологической необразованности, остается приметной чертой специалистов разного профиля и разных рангов. Вот, к примеру, характерный случай, о котором рассказал заведующий лабораторией ВНИИгеоинформсистем, кандидат геолого-минералогических наук А. И. Петраш:

— Мне пришлось участвовать в экспертной работе по застройке Бутова. Когда познакомился с проектом, понял, что никакого экологического обследования там не проводилось. Собрались на обсуждение. Спрашиваю: «На сколько жителей рассчитан район?» — «Примерно на 300 тысяч»,— отвечают. «А вы считали, сколько будет бытовых отходов? Куда их вывозить, решили? Запроектировали полигон или мусоросжигательный завод, мощности по переработке отходов?» — «Нет». Что ж они себе думают?! «У вас там,— продолжаю,— есть красивые пруды. Вы посмотрели, какие стоки в них пойдут, с каким хи-

мическим составом! Что будут сбрасывать предприятия!» — «Нет».— «Есть прогноз подъема уровня грунтовых вод, известен их состав!» Опять: «Нет!» — «Стоянки, гаражи для личных автомобилей предусмотрели!» — «Предусмотрели,— говорят.— Будет гараж на 700 мест». Представляете, на 700, когда машин будут тысячи, десятки тысяч! Значит, придется ставить их во дворах, вдоль тротуаров. А это, между прочим, и экологический вопрос. Вот как у нас до сих пор проектируют...

От чего же это! От экологической малограмотности или от желания все сделать побыстрее, подешевле! Очевидно, и то и другое, что называется, имеет место. Мы трудно привыкаем к мысли, что живем в мире, где все неразделимо — недра, вода, воздух. И в какой бы из этих сфер ни совершили ошибки, рано или поздно приходится за них платить.

Александр Орлов

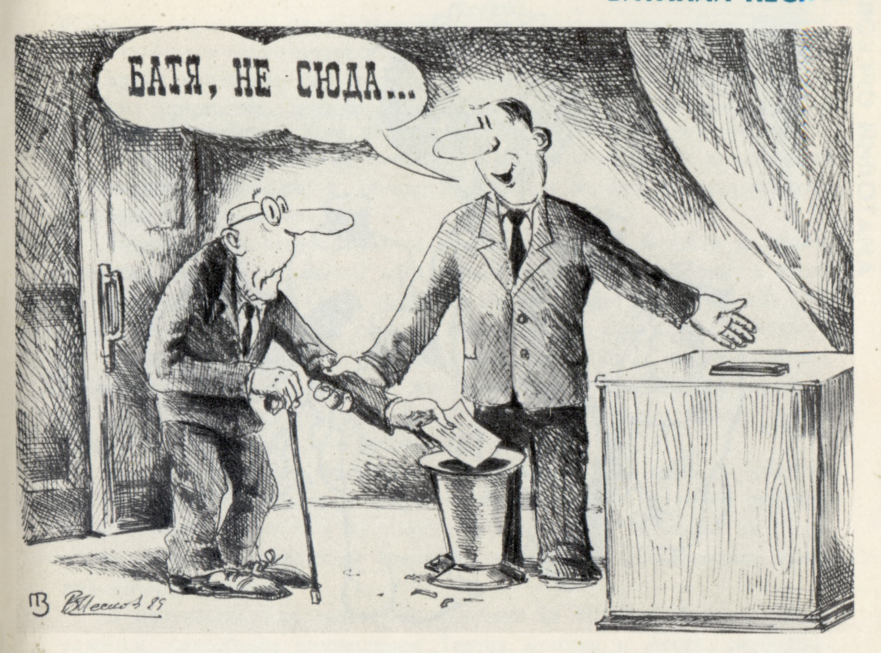
КОЛОКОЛА БЕЗМОЛВИЯ

Редкостные кадры довелось увидеть в недавно показанном по телевидению английском фильме «Живая планета». Лягушки, живущие по разные стороны водопада и лишенные из-за его постоянного грохота возможности «общаться» обычным способом — кваканьем, изобрели иной, пусть примитивный, но все же, видимо, достаточный для передачи необходимой информации жестовый язык. И вот сидят они на противоположных берегах, что-то объясняют друг другу лапками, что-то такое «говорят», напрягая перепонки...

Но еще больше поражаешься, когда встречаешь нечто подобное в нашей осмысленной человеческой жизни. Разделенные оглушающим мозги и чувства водопадом бюрократических бумаг и воинствующей некомпетентности, нормальные, обычные люди начинают вдруг объясняться некими условными знаками. Причем явно с оглядкой на тех, из чьих начальственных кабинетов и извергается этот бумажный поток...

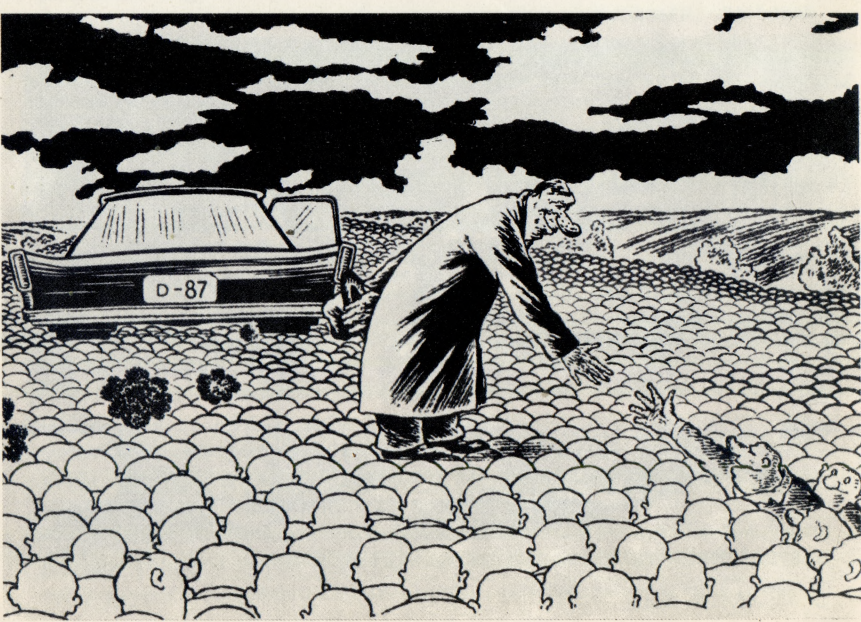
Суть истории, о которой пойдет речь, заключена в трех толстенных папках, лежащих на моем столе с риском проломить его. Более того, папки с каждым днем распухают все сильнее. Они переполнены множеством документов — распоряжений и решений, обращений и ответов, просьб и отказов, с номерами входящими и исходящими, с разнообразнейшими подписями, с печатями и без оных.

А началось все пять лет назад, летом 84-го. Тогда в Высшее театральное училище имени Б. В. Щукина зачислили на актерский факультет... глухих абитуриентов — пятнадцать человек. Педагогом к новоис-

печенным студентам определили режиссера Театра имени Евг. Вахтангова, старшего преподавателя А. В. Мекке. Андрей Викторович то смутное время иначе как без содрогания вспоминать не может. По собственному признанию, первые полгода он пребывал в растерянности, а иногда и в панике: с чего начинать — одному богу ведомо, опыта работы с глухими абсолютно никакого, хоть мало-мальских подходящих методических пособий, с помощью которых можно из неслышащего человека сделать актера, нет.

Трудно было невероятно — и учить, и учиться. Бывали и срывы, и полосы уныния. И мысли предательские появлялись порой: а стоит ли силы тратить, ведь как в песок все уходит. Надо ли мучить так учеников и себя, ну не дается если, ну не получается, хоть плачь!..— четверо не справились, ушли. Но для остальных, оказалось, стоит мучиться. Сложности понемногу, но все же одолевались, притирались характеры — в тяжелой, до седьмого пота, работе. И сегодня можно уже с уверенностью говорить, что эксперимент удался.

Я не специалист в театральном искусстве, но для меня то, что творят на сцене эти ребята и девушки,— талантливо. И лучшее подтверждение тому — идущий с постоянными аншлагами, несмотря на отсутствие рекламы, дипломный спектакль щукинцев, мольеровская комедия «Жорж Данден».

В маленьком, как табакерка, зальчике на 70 мест, бывшем ранее, кажется, подсобным помещением Театра мимики и жеста, свободных стульев не бывает. Неведомо как узнающие о спектакле зрители съезжаются сюда со всей столицы.

И когда раздвигается занавес, когда начинается беззвучное, изумительной пластики действо — надо видеть лица зрителей, это оживление в зале, блеск глаз, надо слышать этот искренний смех в ответ на очередную комичную ситуацию или сотворенную руками фразу, чтобы понять те восторженные отзывы, которые пишутся по окончании спектакля в толстой тетради у выхода.

«Технари преклоняются перед вами!!! Вы прыгнули выше головы! Скажем честно: такого видеть еще не приходилось. Успехов вам, ребята! Ваши отныне вечные поклонники — бауманцы».

«Вы достигли полного контакта с залом, вам могут завидовать многие театры! У вас, уверена, большое будущее. Ваш искренний болельщик И. Соловьева».

«Фантастика! Мы никогда так много не смеялись. Чудесно было видеть вашу искрометную игру! Надеемся увидеть ваши спектакли в США. Надеемся, ваши сердца всегда будут такими яркими. Эрне Саго, Джим Мак-Карти, США».

Кстати сказать, театр-лаборатория щукинцев приглашен Галлаудетским университетом США на фестиваль «Путь глухих» в Вашингто-

не. Так что надежды американских поклонников нашего театрика, видимо, сбудутся. Но об этом — чуть ниже.

У щукинцев, кроме «Жоржа Дандена», есть еще великолепная концертная программа под названием «Давайте знакомиться», которая тоже показывалась не раз и тоже принималась зрителем на «ура!». На подходе новый спектакль «Пигмалион». Но главное, на основе пятилетнего опыта учебы и работы, поиска новых выразительных средств, нового, если хотите, театрального языка создана экспериментальная лаборатория театрального образования и творчества глухих (ЭЛТОТГ). Помимо «тихого» театра в ЭЛТОТГ будут своя учебная студия, художественные мастерские, литературный семинар, лаборатория жестового языка. Иными словами, экспериментальная лаборатория — это реальная возможность творческого образования и самоосуществления неслышащих людей.

В долгие годы искусственной (иначе и не скажешь) изоляции инвалидов от общества, их замыкания на самих себе сложилась совершенно особая культура, культура людей, страдающих разного рода недугами. Культура со своими именами, направлениями, уникальными находками и целыми эпохами, но почти неизвестная нам. ЭЛТОТГ — это первая дверь, которая открывается нам в неведомое.

Казалось бы, создание подобной лаборатории можно только приветствовать. Однако не все так просто и хорошо получается, как того хотелось бы. Нашлись и здесь недоброжелатели и даже открытые противники. И пухлые папки, что лежат на моем столе, принимают в свои утробы все новые и новые документы. Попытаемся тем не менее разобраться, кому и чем мешает театр-лаборатория.

Проблема номер один — помещение. Еще в 1985 году долгие поиски и хлопоты педагогов увенчались успехом: решением исполкома Моссовета строение № 4 по Кривоарбатскому переулку было передано в аренду Московскому театру мимики и жеста для размещения там студии по подготовке актеров на базе Щукинского училища. Заметим: в течение четырех лет руководство театра палец о палец не ударило, то есть буквально ничегошеньки не предприняло для того, чтобы начать ремонт полуразрушенного здания.

В сентябре прошлого года президиум Центрального правления Всероссийского общества глухих выпустил постановление «Об утверждении Положения об экспериментальной лаборатории театрального образования», где, в частности, говорится:

«...Управлению бухгалтерского учета, отчетности и финансов предусмотреть в смете средства для нужд ЭЛТОТГ в сумме 155 тысяч рублей ежегодно.

Предоставить ЭЛТОТГ здание по адресу: Кривоарбатский пер., дом № 4, для реконструкции данного здания с учетом целей и задач ЭЛТОТГ. Финансирование реконструкций ЦП ВОГ гарантирует».

Подписано постановление председателем ЦП ВОГ В. А. Кораблиновым.

Педагоги училища вновь берутся за административную работу и добиваются того, что исполком Моссовета в виде исключения ставит реконструкцию здания в план Главмосремонту на этот год.

Далее происходит интересная метаморфоза: 25 января президиум ЦП ВОГ вдруг отменяет свое постановление, лабораторию решает упразднить, а здание, то самое, в Кривоарбатском, передать Театру мимики и жеста. Вновь сработанное постановление подписывается все тем же В. А. Кораблиновым. Что же такого стряслось за несколько месяцев? Оказывается, как считает ВОГ, в настоящее время отсутствует материально-техническая база для обеспечения многоцелевой деятельности лаборатории, нет к тому же и возможности осуществлять компетентный контроль. Да, действительно специалистов по контролю над научно-исследовательской, литературной, театральной деятельностью глухих найти довольно трудно. А скорее всего, просто невозможно — дело-то новое, где же взять компетентных контролеров? Значит, выход один — закрыть. Мудрое решение, ничего не скажешь. Под таким предлогом можно было бы закрывать в свое время все что угодно. Этак мы бы до сих пор сидели в пещерах.

Под отсутствием материально-технической базы следует, видимо, понимать отсутствие денег. Но куда же ушли тогда обещанные 155 тысяч, которые сначала вроде бы были? Или общество-миллионер вынуждено было срочно заткнуть ими страшную бюджетную брешь? Отказывая в финансировании театру-лаборатории, на постановки которого глухие валом валят, ЦП ВОГ ежегодно вбухивает по полмиллиона в непопулярный ныне Театр мимики и жеста. Не попахивает ли здесь какой-нибудь закулисной интрижкой?

— Да эта история нам всем уже поперек горла,— заявляет заместитель председателя ЦП ВОГ М. А. Мамонов.— Ситуация сложилась конфликтная, но нам скрывать нечего. Из-за чего разгорелся сыр-бор? Ну, причин несколько. Во-первых, мы хотим, чтобы щукинцы пополнили стареющий состав Театра мимики и жеста, а ребята идти туда не хотят. А во-вторых, закрытие лаборатории — это выполнение воли глухих...

О, этот пресловутый «голос народа»! Что только не растаптывалось под его прикрытием!

— Ну вы только представьте себе: Джульетту в театре играет актриса, у которой уже есть внуки! — начальник управления социальной реабилитации ЦП ВОГ А. И. Куранчев не менее категоричен.— Конечно, Мекке добился поразительных результатов в подготовке неслышащих актеров, ребята играют в высшей степени профессионально, и именно поэтому они так нужны Театру мимики и жеста, без них театр просто умрет от старости. Вопрос на сегодняшний день стоит так: либо

выпускники идут работать в МиЖ, где им сразу дают ставки, жилье, либо... С пропиской в столице, сами знаете, какие трудности, других театров для глухих нет, в общем, придется в противном случае щукинцам просто разъехаться по домам. Хотя, в конечном счете, никто от этого не выиграет...

Товарищ М. А. Мамонов думает о способе, каким можно разрубить гордиев узел, завязавшийся между МиЖ и театром-лабораторией, примерно так же. Хотя и он, наверно, понимает, что пользы от такого решения никому ни на грош. Но амбиции, похоже, зашли уже слишком далеко, и мирно урегулировать положение с ЭЛТОТГ не удастся.

Здесь, видимо, у многих возникнет правомерный вопрос: почему же щукинцы так упорствуют в нежелании идти в МиЖ, где и деньги обещают и жилье? Далась им эта лаборатория!

Все, однако, объясняется просто. Осенью прошлого года руководство МиЖ официально заявило, что ставок для выпускников в театре нет. О склоках и дрязгах, разлагающих коллектив Театра мимики и жеста, щукинцы знают не понаслышке. В МиЖ директора меняются с фантастической быстротой, и, несмотря на это (а может, и благодаря этому), новых постановок практически нет, посещаемость неуклонно снижается, в попытках привлечь слышащего зрителя растеряны зрители глухие — те, для кого и существует театр. Все бы ничего, но как назло не шибко разбирающиеся что к чему американцы возьми да и пригласи лабораторию на гастроли в Вашингтон. Эх, не вовремя попали! Тут уж в Театре мимики и жеста начались настоящие землетрясения: как! эти недоучившиеся студенты — и за границу?!

Вся эта чехарда, разумеется, не способствует возникновению у щукинцев симпатий к МиЖ. Напротив, она укрепила их в мнении, что позиция выбрана ими правильно. ЭЛТОТГ для них — это уже не просто театр, но нечто гораздо большее. И отказываться от начатого дела, остро необходимого глухим, выпускники и их руководители не намерены, какими бы деньгами и какой спокойной жизнью их ни соблазняли.

Предлагали место главного режиссера Театра мимики и жеста и А. В. Мекке. Рассказывая об этом, Андрей Викторович с грустной улыбкой заметил:

— Не хочу зависеть от Центрального правления ВОГ, от людей, которые умеют только приказывать, при этом абсолютно ничего не понимая и не желая понимать в нашей деятельности. (Я вспомнил грозные приказы, развешенные в коридорах театра, бичевавшие руководство МиЖ за «развал работы»...— *А. О.*) Ведь ни Кораблинов, ни его заместитель Мамонов, закрывая лабораторию, даже не удосужились посмотреть, что и как мы играем...

Но лаборатория, несмотря на ярко выраженное нежелание и сопротивление ЦП ВОГ, все же существует. Она учреждена совместно Фондом социальных изобретений СССР, Всероссийским обществом инвалидов, Щукинским училищем и НИИ дефектологии СССР. И существует ЭЛТОТГ уже не только и не столько в качестве лаборатории театрального образования и творчества глухих, но как задел новой, гораздо более широкой программы — положено начало созданию Центра творческой реабилитации инвалидов. Центра, в котором специалистами в области педагогики, искусства, психологии, социологии будут разрабатываться новые методики и программы, направленные на творческое развитие их личности, на обеспечение с помощью искусства максимально возможной интеграции общества и людей-инвалидов, на диалог с ними, как с равными.

В то время как весь цивилизованный мир стоит по отношению к инвалидам на позиции: ты не можешь, как я, но можешь по-другому, давай попробуем вместе,— мы продолжаем просто откупаться — деньгами, льготами... Не задумываясь о том, что не столько эти льготы и пенсии им нужны, сколь необходимы осознание и ощущение общности с обычными здоровыми людьми.

Центр нуждается в мощной организационной и финансовой поддержке. Нужен толковый менеджер. Нужны деньги. Нужен... Легче перечислить, пожалуй, что есть, чем то, что необходимо. В активе же — уникальный опыт работы, а самое ценное — желание помочь инвалидам реализовать себя в творчестве и обрести уверенность в своих силах. Этот капитал ни в коем случае нельзя пустить по ветру! Надо его, говоря экономическим языком, умело вложить. Затраты окупятся сторицей — здесь не может быть никаких сомнений.

Первейшая на сегодня задача — реконструкция здания в Кривоарбатском переулке — требует 1,5—2 миллионов рублей: очень уж это здание разбито и запущено. На ЦП ВОГ рассчитывать, понятно, не приходится. Обещали посильно помочь учредители ЭЛТОТГ и ЦТРИ, союз московских кооператоров, но что-то реальное предложил пока только МГСПС: он готов оплачивать покупку необходимого реквизита. Только кто этим будет заниматься (ведь отыскать приличные костюмы и декорации — это вам не кастрюли и ложки купить, которые есть в каждом магазине)? Педагоги ЭЛТОТГ и без того с утра до вечера заняты бесконечными пробиваниями разного рода справок, разрешений, бесконечными согласованиями и утрясками все новых и новых проблем, сваливающихся на голову не то что каждый день — буквально каждый час. Срочно требуется пока хотя бы один администратор, но — все из-за той же российской нерасторопности, будь она неладна! — платить администратору сегодня нечем.

Досадно долго тянулось переоформление ордера на здание в Кривоарбатском переулке конкретно на ЭЛТОТГ как на самостоятельную организацию, а не на подразделение Театра мимики и жеста. Моссовету, где утрясался этот вопрос, само решение далось весьма трудно, потому что и инициатива щукинцев — дело хорошее, но и Все-

российское общество глухих тоже, знаете ли, уважаемая организация.

А в этой организации мне открытым текстом заявили, что пойдут, если надо будет, к самому председателю исполкома, но ЭЛТОТГ этого здания все равно не получит.

Вот такие условные знаки, которыми обмениваемся мы сквозь бумажный водопад, правда, с гораздо меньшим успехом, чем земноводные.

Не зря, видно, говорят французы (впрочем, похожие пословицы есть и у других народов), что дьявол прячется в деталях. Здесь в одной только этой истории отражается практически вся та неразбериха, которая царит в наших учреждениях и от которой все мы безумно устали.

В общежитии, где живут щукинцы-элтотговцы, в одной из комнат мне бросились в глаза валдайские колокольчики. И я представил, как хозяин комнаты, глухой актер, бьет в эти крохотные колокола. Авось и дойдет их тревожный звон до оглохших душ слышащих, до ослепших душ зрячих.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий Кравченко

ВОССТАНИЕ

В те переломные дни я уныло второгодничал в джезказганской средней школе, втайне сочинял голубенькие стишки и неосторожно посвящал дневнику уличные похождения.

Не однажды приходилось мне наблюдать проходящие мимо серые зековские шеренги-грядки. Немного удивляли полупаническая суета охраны вместе с хрипящими на поводках овчарками и философское спокойствие подневольных врагов народа, которых мать скопом презрительно называла «бендерами», считая свое присутствие в сих отдаленных местах просто несчастной судьбой.

Солнечными утрами я выскакивал на балкон и видел стройку будущего квартала, обнесенную высоким забором и рядами колючей проволоки, с вышками по углам и предупреждающими дощечками: «Стой!», «Стреляю!», «Запретная зона». А внизу уже копошились коричневые муравьихи в трусиках и бюстгальтерах: растаскивали по шатким лесам раствор, кирпичи, ковыряли лопатами каменистую землю, белили, штукатурили. Вечером строились в колонну, их пересчитывали, вели отдыхать в лагерь. Перед воротами снова пересчитывали, крикливые женщины в военной форме обыскивали, и всех поглощали глухие стены.

Валерий Егорович Кравченко родился в 1940 году в г. Балхаше Карагандинской области. Сейчас живет в подмосковном Пущине-на-Оке, работает строителем. Готовит к изданию первую книгу рассказов.

Нередко из любопытства, озорства и безделья мы, интернационал мальчишек, пробирались вечерами на вымершую до утра стройку; вздрагивая от малейшего постороннего звука, бродили по недостроенным домам, вляпываясь то в побелку, то в краску. Часто на видных местах находили треугольнички писем с бумажкой-просьбой, кто найдет, бросить в городской почтовый ящик. Письма на разных языках страны не всегда удавалось прочитывать, а прочитанные казались нам скучными и мелкими (нас учили только высокому). Сообщалось, например, что он (зек), слава богу, выздоровел, но нуждается в усиленном питании, просил прислать сало, сгущенное молоко, чай, сигареты или махорку, теплое белье, написать туда-то и туда-то, добиться приема у того-то и того-то. Сколько помнится, ни одного такого письма мы не бросили в городской почтовый ящик.

И вот это странное лето пятьдесят пятого года. Жизнь набирала свой заманчиво-сумбурный разбег, как вдруг в боевой государственной машине что-то затрещало. Нет, «вольные» жители города не раз слышали тревожный призыв рельса почтить забастовкой память погибшего на стройке солагерника, но таких тревожных событий не случалось.

Плутало много нелепых слухов, увозили детей подальше от греха, а кое-кто из ретивых служак готовился потихоньку дать тягу. Ночами над лагерем висели ракеты, спросонок испуганно стучали пулеметы. В городской же газете о событиях — ни строчки: по-прежнему шли чему-то «навстречу» или «с опережением графика», публиковались проблемные статьи «Коню и верблюду — особое внимание» или «С каждым днем все радостнее жить». Родился даже местный анекдот, будто редакцию захватили марсиане. Кто-то спрашивает: «Ну и что?», отвечают: «Да ничего, все прежние работники на местах, пишут!»

В те дни, помнится, я тоже был взбудоражен событиями, но, как и взрослые, не осознавал всей важности происходящего, и, лишь когда все кончилось, когда лагерь прекратил свое позорное существование, картина частично прояснилась.

Истомленные беспощадными сроками зеки ждали амнистии, однако со дня смерти «великого кормчего» минуло двадцать семь месяцев, а правительство никак не решалось на столь рискованный гуманный шаг. И терпение лопнуло, требовалась лишь последняя вагонетка урановой породы, чтобы критическая масса отвала выросла до ядерного взрыва. Такой вагонеткой явился этап уголовников, размещенный на мужской

половине лагеря. Непримиримые враги оказались в одной клетке. Мало того, уголовники попытались проникнуть на женскую половину. Политические воспротивились, резонно возражая, что через стену сидят их жены, сестры, дочери. Завязалась драка. Гарнизон живо унял страсти. Унять-то унял, а идея прорваться на женскую половину через несколько часов выросла в идею всего лагеря. И в майскую ночь, когда по оврагам далекой России так сладострастно поют соловьи, мужчины кинулись на штурм стены, многие годы разделяющей свирепой тоской их природное естество с другим природным естеством. С двух центральных вышек ударили пулеметы. Люди голыми руками рвали электрические провода, падали, обливались кровью, рычали, и, несмотря на громадные потери, две разнополые стихии встретились: тысячи мужчин и тысячи женщин. Измученные за долгие годы онанизмом или насильственным воздержанием, парочки, едва отойдя от проема в стене, падали друг другу в объятия, и не понять было, где стонут раненые — где стонут от страсти, где лежат убитые — где живые. И мужчины называли в темноте женщин «сестрами», а женщины мужчин «братьями». Пожалуй, это была самая трагическая и счастливая брачная ночь за всю историю человечества.

Но утром в зону ворвался весь гарнизон краснопогонников с выводком немецких овчарок. Сам начальник лагеря, как говорили, «кандидат милицейских наук», шел впереди с пистолетом в руке. Раненых, подгоняя прикладами, погнали в санчасть, мертвых свезли «на волю», а живыми забивали карцеры так, что пятеро откормленных солдат, уплотняя массу, с трудом запирали двери. Надо ли говорить, что через пять-шесть часов здесь к естественной человеческой вони примешался сладковато-приторный запах. Сжатый со всех сторон полуобморочными телами, труп стоял в кромешной темени, уронив голову на плечо и вывалив язык.

Да, многих бы настигла эта жуткая смерть, если бы какой-то либеральный бес не нашептал одному офицеру освободить карцеры от «жмуров». И это была роковая ошибка в его сторожевой биографии. Едва лишь первый засов отдернулся, как слипшаяся людская масса смяла «благодетелей», растоптала сапогами, подхватила несколько автоматов, и начался второй этап восстания.

Группы внутренней охраны бросились к воротам, поскольку не привыкли иметь дело с вооруженным противником. Все места наказания были раскрыты, замки с бараков сорваны — лагерь бушевал. Перепуганный насмерть «кум» вынужден был доложить в управление лагерей о беспорядках, но заверил, что легко справится своими силами.

Между тем внутри зоны сформировалось собственное правительство во главе с бывшим полковником, правительство, в которое вошли представители баркомов (барачных комитетов). Был разработан общережимный устав, сформированы отряды самообороны, организованы интендантская и техническая службы. На повестке приближающейся ночи стояли задачи: обесточить колючую проволоку, пробить заделанный проем в женскую зону, не допустить на этот раз повального брака, найти священников для обрядов всех вероисповеданий, а для атеистов создать загс. Митинг был принципиальным, и на отдельных его участках вспыхивали потасовки: наиболее агрессивная часть зеков не соглашалась на оборону, требовала после присоединения женской зоны прорвать блокаду, захватить город и идти на освобождение соседних лагерей. Этот вопрос остался открытым, но зато единогласно проголосовали за прорыв в женскую зону. После митинга земля белела от тряпиц с номерами, которые много лет носили люди.

В два часа ночи заключенный, бывший «ворошиловский стрелок», двумя пулями разбил центральный, левый и правый прожекторы. Это был сигнал к штурму. И бревно, окованное железом, с такой силой врезалось в глинобитную стену, что от сотрясения погасла чуть ли не вся гирлянда над нею. Пулеметы били вслепую. Зато их хорошо видел все тот же «ворошиловский стрелок», в несколько выстрелов оборвал работу правого, а затем и левого. Командующий восстанием зек-полковник все верно рассчитал, зато «кум»-полковник, упорно занятый блокадой лагеря, ограничился на женской половине внутрирежимным взводом и замками на бараках. По тревоге солдаты кинулись к месту прорыва. Но не успели они рассредоточиться, как в темноте со стены саранчой посыпались зеки, вооруженные ножами, дротиками, пиками. Солдаты, побросав оружие, в панике разбежались по лагерю. Бабы вытаскивали их из подсобок, из помойных ящиков и забивали до смерти.

Разжиревший от властной продолжительной тишины начальник лагеря совершил еще одну ошибку: не только не воспользовался моментом штурма разделяющей стены, чтобы ударить всеми силами гарнизона в тыл, но и не принял никаких мер для спасения попавшего в беду взвода; не только потерял тридцать солдат, но и «подарил» восставшим тридцать единиц стрелкового оружия. И к рассвету это был уже не лагерь, а крепость. И, как положено всякой крепости, на сооруженной деревянной башне взвился флаг. Единодушным решением полковнику, руководителю восстания, было присвоено звание генерала: прямо здесь же, на помосте, под одобрительный гул и смех бывший ростовский еврей-закройщик снял с него мерку для генеральского мундира. Так появился в лагере четвертый генерал.

...За долгие годы лагерь отдыхал, не ходил ежедневно под автоматами «вдохновенным трудом искупать вину перед Родиной». Питание ухудшалось, вода отпускалась по норме, но никто не роптал. И настоящие враги социализма, и фанатично верующие в звезду коммунизма товарищи, и страстно верующие в бога, и прочие, угодивше сюда за недобором классовых врагов,— все думали, что сотворили шумиху на весь белый свет. Оторванным от жизни, им мерещилась всеобщая

паника, охватившая планету, перед многотысячной силищей, рожденной в казахстанской пустыне,— ведь недаром же работает коротковолновая радиостанция, в три смены гудят кузница и литейка, в механическом цеке выкинула вперед трехметровый кулачище пушка; есть и инженеры, и техники, и агитаторы, и ученые, и боевые офицеры, и солдаты.

В каждом человеке чередуются то могучая вера в свои возможности, то горькая усмешка над ними. К середине жизни эти противоположности медленно обращаются в полунадежду на лучшие времена, с которой, не дождавшись завтрашнего дня, человек умирает. В экстремальных ситуациях человеческое сознание взрослеет быстрее. И это прослеживалось по смене флагов на башне: в первую неделю он был черным, во вторую — черно-красным, к концу месяца — красным с белой полосой, а к концу второго вылинял до абсолютно белого с серой зековской фуражкой посередине. «Мы требуем от правительства безоговорочной свободы!» — кричал огромный транспарант в первые дни победы. «Мы требуем амнистии» — следующий. «Мы требуем приезда секретаря ЦК КПСС» — далее. «Мы требуем приезда министра внутренних дел СССР» — под конец. Эти же самые требования передавали в эфир лагерные радиоумельцы.

Никто, конечно, не приехал. И не только потому, что каждый член правительства боялся в то шаткое, опасное, непредсказуемое время хоть на минуту оставить кресло без своего зада, но потому, что осужденные посмели еще не умолять, не просить, не желать — требовать! Вот уж поистине это был глас вопиющего в пустыне, на который могли откликнуться только шакалы. И откликнулись. Прислали «дикую дивизию» из золотого фонда ГУЛАГа. Головной танк этой «спецдивизии» не стал и дожидаться открытия центральных ворот лагеря, рванулся, вынес их на себе. Около пятидесяти женщин, взявшись за руки, преградили ему дорогу. Танк осадил в двух шагах от живой цепи, стрельнул для острастки поверх голов и, увидев, что юбки не дрогнули, принял оперативное решение: застопорив одну гусеницу, дважды прокрутился на месте, и вся цепь, живая секунду назад, превратилась в куски орущего, стонущего, воющего мяса. Рев ужаса и ненависти, автоматные очереди, вертящиеся взблески ножей, полеты дротиков, свист пуль, грохот дизельных двигателей и одинокие хлопки лагерной пушки, черные взрывы от бутылок с зажигательной смесью и свист двух истребителей, проносящихся пулеметным шквалом над бараками...

Известно, действие порождает противодействие. И думается, весьма опасна тенденция сегодняшних авторов «лагерной темы» делать из всех репрессированных неких божьих коровок. Ведь это формирует у молодого читателя представление о человеке как глупой общественной скотине, которую любой хозяин по идиотской прихоти может и убить, и сгноить в тайге, и держать впроголодь. К счастью, это не так. В лагерях сидело большинство людей «по делу». Это были и очень образованные индивидуумы, высчитавшие еще до октябрьского переворота сталинское будущее, и индивидуумы, ставящие вместо подписи крестик, но благоразумием и интуицией постигшие то же самое. Одни сопротивлялись азиатскому эксперименту на живом теле истории гуманной идейностью, другие — топором, физическим насилием над насилием, а между ними — тысячи полутонов, вмещающих в себя то и другое. На них-то, после чистилища гражданской войны, от Белого и до Черного морей был заведен гигантский невод со средней величины ячеей, и проволокли этот фантастический невод до самых дальневосточных берегов. Понятно, он цеплялся за уступы, горы и леса Жизни, образовывались прорехи, в которые устремлялись и люди, жаждущие свободы для борьбы с «рыбаками», и люди, молящие Господа лишь о собственном спасении. Невод чинили, латали, забрасывали снова и снова, каждый раз уменьшая ячею, чтобы не проскочила даже мелкая «рыбешка». Случилось, как и должно было случиться, многие насильники-рыбаки из прошлой гвардии сами оказались в сетях. Таким образом, к середине пятидесятых лагеря заполнила разнородная масса — от пацифистов до убийц, от благоразумных до неврастеников,— и неволя лишь общим страданием объединила их, но достаточно было искры свободного выбора, как население этого государства в государстве тут же раздробилось на группки и группировки по социальным, национальным, интеллектуальным признакам. Все это сказалось в пиковой стадии мятежа. Уголовники бросили по ножу и разбежались, власовцы через минуту сдались, западники защищали только свою «хату», то есть барак. Отчаянно дрались лишь бывшие военные да отдельные представители из всех слоев и прослоек. Многие же предпочли забиться в такие уголки, где бы их не отыскали ни свои, ни чужие.

Среди эпизодов сумбурного двухчасового сражения был, например, такой. Один из шести разбегающихся по заданным квадратам танков приостановился. Человек в шлеме из серых колбасок высунулся по пояс из башни и тут же получил нож в затылок от бывшего майора танковых войск, по привычке запрыгнувшего на ревущую машину. Он успел-таки вытащить убиенного, хотел было нырнуть вместо него в люк, но сам повалился вдруг на броню, срезанный автоматной очередью. Это был, пожалуй, за все существование «дикой дивизии» самый опасный момент, потому что на помощь майору бежали еще два бывших танкиста. Уж они-то, истосковавшись по рычагам, показали бы молокососам былое мастерство.

Можно бы привести еще несколько примеров героизма и отваги, проявленных защитниками лагеря-крепости, если бы один жестокий факт не возвышался закономерным монументом над всеми мировыми «подвигами» и «отвагами».

В грохоте, дыму, безумии кровопролития солдатик «дикой дивизии»

натолкнулся на высокого старца с библейской белой бородищей. Он мог шутя срезать возникшее препятствие автоматной очередью, но то ли от неожиданности растерялся, то ли сработало воспитанное чувство почтения к старшим, оттолкнул старика дулом, не путайся, дескать, под ногами, шагнул дальше, вперед, совершив этим роковую ошибку, ибо старик был не кто иной, как грузинский князь, бывший царский подполковник, трижды приговариваемый к расстрелу — в родной отчизне, Италии и Германии. В следующее мгновенье горло солдатика попало в «замок» полусогнутой рукой, а в живот медленно забрался нож. «Спокойно, юноша, не трепыхайся...» И никогда не узнает бурятка-мать, как страшно умер ее сын и что прячется за строчкой «ваш сын погиб при исполнении служебного долга». А старец между тем подхватил автомат, взобрался на крышу и оттуда одиночными выстрелами хладнокровно расстреливал чьих-то других сыновей, пока не кончились все патроны, затем спустился вниз и растворился в общей суете. Это ли не монумент «безумству храбрых»?

Танки всовывали в окна бараков хоботы пушек и стреляли холостыми зарядами. Контуженные, оглушенные, обезумевшие зеки метались по лагерю, словно звери, зажатые охотниками со всех сторон земли и неба.

Но все рано или поздно кончается: зверей разогнали по клеткам, раненых стащили в отдельный барак, где несколько врачей из той же «спецдивизии», верные клятве Гиппократа, исполняли свой человеческий долг. Дюжина грузовиков до утра вывозила в степь трупы.

Такова была последняя бериевская панихида по самому себе и околевшему «гению всех времен и народов», после чего лагерь уже не мог существовать. Нет, не потому, что новое правительство оказалось из гуманных дяденек. Просто во всех концах страны выросла многомиллионная армия, не имеющая оружия, но зато организованная, а главное — со своей затаенной агрессивной болью и злобой. Недаром в последние дни своего владычества сам Лаврентий Павлович собирался использовать эту силу для борьбы с претендентами за госкорону, медленно стягивал, этапировал заключенных поближе к центру и, безусловно, одурачил бы массу несчастных людей, не одурачь его более оперативные соратники.

Между тем прошел XX съезд, поставивший нашего человека если не с головы на ноги, то на четвереньки — точно. Амнистии так и не случилось, но в лагере заработала комиссия по пересмотру дел: одних освобождали подчистую, других с ограничением мест жительства, потому и в городе, и на вокзале толклось множество одинаково худощавых мужчин и женщин с одинаковым степным желтоватым загаром и одинаково страдальчески настороженным блеском в глазах. Бегали по магазинам, нежились на пляже, осторожно сдували пену с пивных кружек, с блаженством на лицах ели базарные помидоры, чебуреки, манты, закашливались от арбузного сока. Но говорили и смеялись редко: если вслушиваться — фраза по-литовски, обрывок эстонского, мягкий перекат украинского, московский говорок. Казалось, город действительно захватили марсиане, так эти люди были непохожи на всю нашу «вольную» массу. Город странно изменился. Естественную вспышку преступлений не сразу, но довольно быстро ликвидировало новое руководство, состоящее из вчерашних «врагов народа». Наладилось снабжение. Выдали первую продукцию мясо-молочный комбинат и пивзавод, обогатительная фабрика. Развернулось жилищное строительство. Во Дворце металлургов поддавал городу новый бодрый ритм сыгранный в лагере до виртуозности джазовый оркестр.

А в нашем двенадцатиквартирном доме поселились новые жильцы.

Покинул трехкомнатную квартиру замначальника лагеря, которого в последние дни шофер-туркмен выносил из машины на руках — так напивался. Вместо него въехала семья: мать и пятеро детей. История здесь простая. Она — жена крупного партийного функционера. Влюбился в другую, молоденькую. Развод по тем временам мог стоить и партийного билета, проще было договориться с НКВД и послать жену как «замаскированную дочь жандармского генерала» к чертям на кулички. Долгое время ютились в землянке, потом вот дали квартиру. Женщина работала уборщицей в столовой, вечером руководила хором во Дворце металлургов, и дети днем помогали матери мыть полы, а вечером пели в ее хоре: «Ты плыви, наша лодка, плыви».

Обновились жильцы на первом этаже. Новый хозяин, круглолицый общительный чудак-дядя. В утробе матери с первой волной эмигрировал в Китай. В сорок пятом, после изгнания японцев из Маньчжурии, был вывезен на родину, точнее — на место зачатия. Очень эмоционально возмущался «порядочками». «Я им говорю, что шофером на автобусе работал! Спрашивают, а выручку кому сдавал? японцам? Естественно, отвечаю, хозяину. Говорят, так ты же, сукин сын, своим трудом помогал вооружаться самураям, пособничал японскому империализму! Я говорю, а чем бы детей кормил? Отвечают, это твое личное дело, но кормить своих детей красноармейской кровью тебе никто не позволит. Вот тебе пять лет, говорят, и благодари бога, что дурак, а то бы так просто не открутился... Нет, ну вы скажите,— обращался он к слушателям,— за что?»

У моего школьного дружка встал на квартиру болезненного вида, но по-мальчишески свойский мужчина. Поволжский немец. Был делегатом комсомольского съезда, прочитал Маркса и Ленина, владел тремя иностранными языками, огоньковские кроссворды расщелкивал за полчаса. Когда выселяли, сбежал на Север, а привезли на юг. Пять лет — за попытку к бегству.

В открывшейся шахматной школе преподавал небрежно одетый, часто небритый человек. В тридцать седьмом учился в Ленинградском

университете. На собрании отказался от «врага», профессора-отца, за что был награжден зарубежной поездкой на студенческую шахматную олимпиаду. И там, рассиропившись от буржуазной демократии, имел неосторожность честно ответить на один опасный вопрос бойкого журналиста. Газетчик получил в своей стране приличный гонорар, а студент в своей — десять лет. В джезказганском лагере, куда свела родственников этапная судьба, во время восстания сын, рыдая, закрыл глаза отцу. Окончил земной путь мой первый и последний шахматный метр, по слухам, в теплотрассе.

Случайно познакомился с одним пареньком чуть постарше меня. Оказалось, тоже о т т у д а. Если помните, на всякие престольные революционные праздники в городах и городишках сбрасывали с самолета листовки. Троица ребят, один из которых работал учеником наборщика, отпечатали с в о и листовки и подсунули их в пачки официальных. Эта «антисоветская вылазка» дорого обошлась не только «протестантам», но и ответственным товарищам вплоть до секретаря горкома.

С другой стороны, во время немецкой оккупации Литвы двое ребятишек точно в такой праздник вывесили на своей хибаре полотнище от маминой красной юбки и были за это повешены перед костелом местными полицаями, один из которых впоследствии некоторое время даже был моим родственником и оказался весьма сентиментальным дедушкой, готовым убить всякого, кто нанесет хотя бы царапинку его внучке.

В те же (такие близкие!) дни в школу пришли одинаково худощавые, со степным желтоватым загаром преподаватели. Жить и учиться стало куда интересней, интеллигентней. А по городу в зековском обмундировании с номером у плеча ходил высокий старик с библейской бородищей. Бдящие органы не раз сдирали с него эту тряпицу, но старец каждый раз пришивал новую. Куда он потом делся, не знаю, вероятно, т у д а ж е.

Что ж, всякое действие вызывает ответное противодействие.

В скором времени издательство «Московский рабочий» планирует начать выпуск сборников, в которых будут публиковаться материалы о гражданской и партийной реабилитации людей, пострадавших от сталинских репрессий.

В подготовке издания примут участие члены контрольно-ревизионной комиссии Московской городской организации КПСС, сотрудники Института истории партии МК и МГК КПСС, других научных учреждений, правоохранительных органов, представители общественных организаций и творческих союзов.

ВЕРНЕМ ПРАВО НА ПАМЯТЬ!

Мы сегодня вглядываемся в свое прошлое с тщательностью историка-профессионала. Как много мы узнали за четыре года и как много еще предстоит узнать! Признаюсь, хотя материалы о сталинском времени, появляющиеся в наших периодических изданиях, для меня не откровение, однако масштабы скрытого механизма зла становятся понятны лишь теперь.

Недавно журнал «Новое время» поместил обо мне заметку, которая называлась «Увлечение палеографа». Заметка емкая, немногословная, но вот название... Можно ли называть то, чем я занимаюсь, увлечением? Увлекался я марками, пластинками, гербарием,— но увлечение поиском репрессированных?..

Действительно, поначалу путеводителем в сборе материалов был интерес, страсть к запретной теме, поиск некоего криминала. Но когда я впервые переступил порог архива, то уже совершенно сознательно пошел на нарушение ведомственных запретов, и моя «потаенная», в духе знаменитого Клеточникова, работа велась со всей серьезностью. Я понимал, что иного пути у меня нет, это был мой долг.

Сейчас моя картотека насчитывает 145 000 карточек с именами людей, подвергшихся репрессиям в годы сталинщины. Каждая карточка содержит следующие сведения: фамилию, имя, отчество репрессированного, даты жизни, национальность, партийность, последнюю занимаемую до ареста должность, сами факты репрессий (дата и место ареста, дата приговора, мера осуждения) и последующей реабилитации. Почему именно эти факты и в такой последовательности необходимы мне?

Кроме того что мы обязаны восстановить отобранное у нас право на память, мы должны располагать определенными историческими документами, материалами, подлинными свидетельствами. Архивы в нашей стране продолжают оставаться закрытыми, и все призывы общественности открыть их пока не дают результатов. Поэтому у нас есть один путь — обратиться к архивам людской памяти и боли. Только это позволит воссоздать подлинную и более или менее полную картину, получить хоть какое-то представление о числе жертв, узнать, в отношении каких слоев населения, национальностей репрессии были особенно жестокими. Иными словами, нам сегодня нужны факты, а не эмоции.

Предлагаемая анкета обращена как к самим пострадавшим от разгула репрессий, так и к родственникам тех, кто уже ничего не сможет рассказать.

Заполните ее, пожалуйста.

Дмитрий ЮРАСОВ

1. Фамилия . . . .

2. Имя . . . .

3. Отчество . . . .

4. Год рождения . . . .

5. Год смерти . . . .

6. Национальность . . . .

7. Партийность . . . .

8. Социальное происхождение . . . .

9. Образование . . . .

10. Последнее место работы и занимаемая должность до ареста . . .

. . . .

. . . .

. . . .

11. Факты ареста, репрессии . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

12. Факты реабилитации . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Анкету направлять по адресу:
117313, Москва, Ленинский проспект, д. 90, кв. 95,
Юрасову Дмитрию Геннадьевичу.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «Красный пролетарий»: 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская ул., 16.
Всеми вопросами подписки и доставки «Горизонта» занимаются городские и областные отделения связи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 7. «Крыжовник». 8. Авианосец. 10. Арбузов. 11. Апсида. 12. Подача. 13. Оптация. 18. Мадаполам. 19. Гетеродин. 20. Регби. 21. Филин. 26. Ингибитор. 27. Кантилена. 30. Бородин. 32. «Гамлет». 33. Валюта. 34. Абордаж. 35. Дипломант. 36. Коллекция.
По вертикали: 1. Архипелаг. 2. «Победа». 3. Гидроплан. 4. Авторитет. 5. Унисон. 6. Величание. 9. «Буран». 14. Фацеция. 15. Сорбция. 16. Регистр. 17. Повидло. 22. Инстанция. 23. Коломбина. 24. Валиханов. 25. Аннотация. 28. Домра. 29. Гектор. 31. Нансен.